

асура нова

КОНТРУДАР

Игорь Недозор

Плацдарм

Игорь Недозор

Контрудар

«Автор»

2019

Недозор И.

Контрудар / И. Недозор — «Автор», 2019 — (Плацдарм)

Части Советской армии оставшиеся в ином мире брошенные командованием, не смирились и выстояли, создав на чужой планете собственное государство, промышленность, науку и культуру... Но не все так просто и по эту сторону схлопнувшегося портала и по ту. И пока одни пытаются переломить ход истории другие – хотят просто выжить в мире ставшем им новым домом. И тем и другим все тяжелее. Против них порождения злой магии, могущественные волшебники, претенденты на мировое господство и проснувшееся злое божество, готовое поработить оба мира. Против них – сама судьба и то что сильнее её – человеческая злоба и глупость. Сумеют ли советские люди в двух мирах собраться с силами и нанести грозящей катастрофе спасительный контрудар?

© Недозор И., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Игорь Недозор

Контрудар

Часть первая

Ветры смерти

*Грозный. Где-то между Ленинским и Старопромысловским районами.
Конец января 1995 года.*

В развалинах царили холод и отчаяние. Стоял жуткий запах горелого мяса, солянки, человеческих испражнений и мясной сырой дух бинтов.

Полковник Снегирев посмотрел сквозь щель бойницы на улицу. Там почерневшими закопченными гробами исходили дымком три железные коробки: предпоследние бронемашины 119-го отдельного батальона, от которого и так осталось чуть больше половины. Это притом, что в нем изначально было всего-то три сотни активных штыков вместо положенных по штату пятисот.

Хорошо хоть оружие новое дали...

Хотя черта ли здесь хорошего?

Умиравший в двух шагах майор недавно жаловался Снегиреву, что это оружие им в Моздоке выдавали прямо со склада – в консервационной смазке и не пристрелянное. Он просил хотя бы несколько часов, чтобы привести его в порядок и пристрелять, но их сразу загнали в машины, а через несколько часов этот сводный батальон был уже введен в бой на усиление Сводного полка.

Тут почти все части сводные, или, как уже привычно зло шутят, «сбродные». Не осталось в армии полнокровных частей и соединений. Из дивизии собирается «сводный» полк, куда «забывают» всех, кто не может отвертеться – от юных офицеров только что из училища до особо упорных постояльцев гауптвахт. Но даже в «сводном» виде этот полк укомплектован процентов на шестьдесят от силы... Бывает, что не то что офицеры с солдатами, а даже члены одного танкового экипажа или орудийного расчета знакомились друг с другом уже на марше. Какое, к чертям, слаживание и сколачивание подразделений? Какая боевая подготовка?..

Позиция, где они засели, представляла собой просто старую траншею – обычную, мирную, какую, наверное, рыли аборигены для ремонта теплотрассы.

В качестве тылового рубежа вполне подошла сгоревшая автостанция. На этом клочке земли тесно, плечом к плечу сидели оставшиеся в живых бойцы 119-го. Кто дремал, поставив оружие между коленями, кто нервно догрызал сухпай. Возле пулеметов, выставленных в импровизированные бойницы, дежурили изможденные стрелки.

Тут были почти все, за вычетом экипажей двух последних БМП-2 – полтора с лишним ставших похожими лиц, в разводах грязи и копоты, в комично торчащей молодой щетинке... Иные – в очках, за которыми блестели усталые испуганные глаза. Совсем мальчишки... Полковник видел – люди буквально на пределе.

За его спиной послышался стон. Там на расстеленных бушлатах умирал командир батальона майор Легойда. Близкий взрыв «Шмеля» пощадил командира жизнь, но даже сумей они его сейчас каким-то волшебством перебросить в Москву, Легойду все равно ждала бы смерть – сгорело восемьдесят процентов кожи. Все было ясно и без врачей, в батальоне отсутствовавших, и даже не советуясь с ротными санинструкторами, каковых на весь этот несчастный

батальон имелось ровным счетом три – такие же сопливые мальчишки из медтехникумов да еще выученные в нынешнее время...

Почему-то Снегирев ощутил свою вину перед этим малознакомым человеком. Хотя бы потому, что если бы батальону не навязали в последний момент их спецгруппу ФСК во главе с целым полковником, то может быть, и этот человек, и многие другие были бы живы...

Да черт бы побрал эту командировку!

Невесть откуда всплыла история со спрятанными материалами Чечено-Ингушского КГБ, которые будто бы успели спасти от разъяренных толп в папахах осенью девяносто первого честные офицеры. Да еще при этом припрятали часть неведомо как оказавшихся в столице бунтующей автономии архивов Грузинского КГБ. На кой черт сейчас могут понадобиться грузинские архивы, если нынче там сам черт сломит ноги и роги?! Власть старого лиса Шеварднадзе не распространяется за пределы Тбилиси, а недавние сторонники гоняют по горам и долам свободной и независимой Грузии свободного и независимого президента Гамсахурдиа. Снегирев подозревал, что там могли оказаться какие-то компрометирующие нынешних московских паханов документы... Ну да ладно, приказы не обсуждаются.

Он прибыл сюда по личному приказу Очкастого Пожарника со своей спецгруппой, остающейся одной из лучших в его «четырежды кастрированном», как шутил шеф, ведомстве.

Для спецназа ФСК эта война началась крайне скверно. Один отряд попал в плен (в плен!!!) в горах. Другой почти полностью погиб в результате диверсии. Несколько групп были брошены в Грозный в новогоднюю ночь и почти все полегли. Так что пришлось импровизировать. А тут еще чертова секретность...

Тем не менее за неделю группа была готова. В ней кроме Снегирева были два офицера, два прапорщика и восемь солдат. Вот послали их на голову несчастным мотострелкам.

Хотя если подумать, то при чем тут они? Батальону не везло с самого начала. Уже взять хотя бы то, что они практически двое суток зачем-то торчали на Терском перевале под обстрелами. Причем такими плотными, что место расположения пришлось менять пять или шесть раз только за одну первую ночь!

Потом был марш наугад в этот кажущийся мертвым город, оглушенный грохотом стрельбы и освещенный пожарами. Под минометным огнем они добрались до разбитого консервного завода. Тут теплилось некое подобие жизни, стояли штабы каких-то частей и бронетехника, а рядом – распахнутые двери складов, заполненных консервированными соками и компотами. К ним постоянно тянулся людской ручей, уносивший консервные банки. Солдаты и гражданские вперемешку. За процессом присматривал патруль с красными повязками.

Какой-то солдат, отчаянно жестикулируя, рассказывал устроившимся в кружок на короточках с сигаретами товарищам:

– Говорят, раз ты водитель, будешь водителем бэтээр... А у меня всего пятнадцать часов наезда... Из всех, кто был на бэтэере и внутри, я один и остался. Выполз через люк в полу. Иначе никак, снайперы бы на раз покоцали! Командир пытался вылезти, но тут пуля в голову, да не простая, а крупнокалиберная. Башка вместе с каской, как арбуз... Тупые генералы... п... сы...

У въездных ворот с раскорячившимися рельсами из разбитого газопровода вырывался горящий газ. У огня сидели и грелись пьяные солдаты какой-то разведроты во главе с немолодым злым лейтенантом. Легойда решил было прихватить их с собой, но «летеха» нагло ответил, что они только что вернулись с передовой и в гробу видали всех. Или пусть ему принесут письменный приказ комполка. То ли от водки с местной бормотухой, то ли от избытка адреналина разведчики вели себя нагло и не уважили даже большие звезды. Так что Легойда чуть не дал командиру в морду, но, учитывая оружие на руках и возможные военные боевые заслуги парней, воздержался. Они двинулись в путь с десятком проводников из солдат разбитых штурмовых колонн.

Был путь по улицам. Был вокзал с высокими, разбитыми очередями окнами и развороченными танковыми пушками стенами, где на подъездных путях ярко горели неизвестно кем и зачем подожженные товарняки. Небо над взвивающимся багровым пламенем казалось особенно черным. От огня ложились на снег неровные, беспокойные тени, и казалось, что трупы, попадавшие на пути, ухмыляются им вслед, словно приветствуя будущих товарищей по несчастью.

Потом за них взялись всерьез. Первым взрывом сожгло командирскую машину, вторым – ту, в которой добиралась половина его группы.

Переживая обстрел, они лежали между обломанными глыбами железобетонных стен. Время от времени кирпич звенел, рикошета шальные пули.

Тут и там среди обломков стен горбатятся зеленые скаты касок и бронежилетов полутора сотен человек. Может, даже теперь и меньше.

Сегодня утром батальон получил задачу выдвинуться на усиление полка, занимающего оборону впереди. Да вот вместо полка оказались «чехи», а может командовавший передовой ротой старлей просто заблудился. И теперь по ним долбят из всех калибров.

Лежащий рядом со Снегиревым капитан зло бросил:

– Если они минут через десять не выдохнутся, мы обосремся. Обосраться – не встать...

Огонь понемногу начал стихать. Не прошло и десяти минут после очередного выстрела, как принявший командование капитан Рыков решил действовать.

– Подъем! – негромко скомандовал он.

Из руин начали выползать солдаты. Вскоре весь дворик оказался наполнен людьми. Батальон поротно начал передвигаться от дома к дому. Ставший командиром капитан, группа управления, а с ними и Снегирев шли предпоследними.

По пути попадались разбитые снарядами дома, раздавленные «жигули», обгорелые БРД-Мки и БМДшки с еще видневшимися из-под копоты символами ВДВ – два парашюта и звезда... Полковник с минуту рассматривал подбитую БМД-2, точнее то, что от нее осталось: грудку железа с лужами крови на закопченном льду вокруг и раздробленными костями, валявшимися у перекошенных дверей. Кости были явно обглоданы – тут попиروвали уже отведавшие человечины бродячие псы... Кого-то из солдат стошнило, а полковник подумал, что все только начинается...

– Одним полком, суки, – процедил капитан и вполголоса выматерился – зло и заковыристо, поминая власть предержащую и отцов командиров в совершенно непредставимом сочетании.

Снегиреву оставалось лишь молчать. А что тут скажешь?

Похоже, разум, и без того в последние годы в бедной России не особо частый гость, окончательно покинул людей с большими звездами. Сперва наступление танков «оппозиции» на город, а затем кошмар новогоднего штурма.

Говорят, в Генштабе рассчитывали, что чеченцы будут праздновать... В результате все три бригады в считанные часы дошли до центра, после чего встали, сочтя, что выполнили задачу. И тогда с верхних этажей, из подворотен по колоннам ударили сотни гранатометов.

Смертельно опасные в «правильном бою», но беззащитные, неуклюжие в городе, танки и бронемшины вспыхивали, как свечи. Как вспоминали немногие уцелевшие, колонны уничтожались за считанные минуты.

Хуже всего то, что войска имели недвусмысленный приказ: от техники не отходить, в дома не входить. Найти бы идиота, отдавшего его!

Экипажи, пехота, боекомплект – все было в технике, команду на развертывание никто не давал. Никто и не прятался, не рассредоточивался. А гранатометчики били с крыш, куда даже при максимальном угле возвышения танковой пушке просто не достать. БМП, БТР, САУ, старички Т-64 и рота новейших Т-90 – все одинаково хорошо горели. Из нескольких сотен машин,

вошедших в город, обратно вырвались всего несколько штук. А живая сила спаслась лишь потому, что, «не выполнив задачу, была выведена из города». То есть в беспорядке отступила.

Снегирев читал тогда отчеты и тихо ужасался, хоть после Ферганы, Карабаха, Ингушетии, после танковой пальбы в столице уже можно было привыкнуть.

Потом, после провала новогоднего штурма, в Кремле окончательно закусили удила. А может, просто испугались...

И вместо того чтобы окружить Грозный, взять его измором, на худой конец, отойти за Терек, сделав вид, что все идет по плану, бросили наспех собранные войска на новый штурм.

Последствия Снегирев наблюдает воочию.

Части, посланные в атаку, без четкого взаимодействия, организации единого боевого управления, связи, заблудились, перемешались и практически остались в одиночестве. Никто не знал, где соседи, где противник. В такой неразберихе побеждают простейшие инстинкты – бить по всему, что движется. И били друг по другу, пока оказавшийся на диво хорошо организованным противник не стал бить по ним.

Выведенные на прямую наводку Д-30, которых у «незаконных вооруженных формирований» по данным разведки не было (вернее, «почти не было»), крушили броню и сметали идущую в слепые контратаки пехоту. Вражеские снайперы спокойно отстреливали бестолково мечущихся командиров. Брошенные на выручку спешно направленные из Моздока отряды ОМОНа предпочли «закрепиться на окраинах», то есть уныло врылись в землю, потихоньку мародерствуя, пока рядом истекали кровью и гибли несчастные солдатики, кинутые в бой чуть ли не сразу с призывных пунктов...

Пока полковник пребывал в раздумьях, они потихоньку продолжали двигаться вперед. Школа.

Детский сад, вернее то, что от него осталось.

Кинотеатр.

Открытое поле между домами. И на этом пространстве стоят врытые в землю бетонные плиты. Перед ними почерневший танк и пара раздетых трупов.

Снегирев еще успел подумать, что для засады лучшего места не найти, когда...

Все началось в считанные секунды, началось так внезапно, что они растерялись. Что-то орали в мегафоны командиры, вслепую высаживали рожки мотострелки, но все было напрасно. Бронемшины слепыми котятками тыкались между домами, и отовсюду стреляли, строчили, летели гранаты.

Задымил головной броник. Закрутилась на разорванной гусенице вторая машина.

Потом – тяжелый удар и звон в ушах. Ошалело крутя головой, полковник почувствовал запах взрывчатки и раскаленного металла и понял – в них попали.

Он полез в проход между креслами и сразу наткнулся на наводчика, безжизненно свесившегося из кресла. Взял его за висевшую плетью кисть, попробовал нащупать пульс. Тот не прощупывался. В отблесках подбирающегося пламени были видны остекленевшие глаза и перекошенный предсмертной агонией провал рта.

Зарывчав, Снегирев влез на вращающееся кресло, закрутил рычаг маховика. Башня с легкостью поддалась, разворачивая пулеметы в направлении кинотеатра, откуда в полный рост, не прячась, безнаказанно расстреливали его бойцов враги. Не американцы, не афганские «духи», не немцы или турки, а свои собственные граждане, россияне.

– Вр-р-решь, не возьмешь!!!

В остервенении нажал на спуск. Посыпались гильзы, но, оглушенный яростью, полковник не слышал ни звона падающих гильз, ни грохота очередей.

Он еще стрелял, когда в машину угодила вторая граната...

Боль в животе вернула его в сознание. Полковник Снегирев видел себя словно со стороны, обвисшим на руках бойцов. Среди них сквозь мутную пелену узнал и прапорщика Пашкова. Должно быть, он его и спас, успев вытащить из машины до того, как та сгорела.

В зимнем ночном небе холодно поблескивали звезды.

И в какой-то момент происходящее показалось нереальным, недоступным для разума. Ночным кошмаром, который обязательно улетучится с лучами восходящего солнца, сценой из голливудского блокбастера. Но мучительная боль заставляла поверить в реальность.

Это был не сон, и что случилось, то случилось. Он ранен, и ранен скверно. Даже полковников, случается, ранят и убивают.

От кровопотери кружилась голова, но полковник пытался вспомнить, что произошло. Последнее, что он запомнил, – это полный едкого дыма бронетранспортер. А перед этим...

Его снова вырубил, и, видимо, на этот раз ненадолго. В память врезались звучные удары – Пашков разнес очередью дверь подъезда, высадив остаток магазина в то место, где обычно крепился замок новомодного домофона. Потом затащил его в квартиру.

– Его надо перевязать! – звенел в ушах голос прапора. – Он же кровью изойдет.

Потом полковник чувствовал неловкие, причиняющие боль прикосновения. Его неумело перебинтовали, вкололи промедол. Наркотик подействовал, горячая волна обволокла его, закружила голову, потолок вдруг стронулся, и комната завертелась в дьявольском хороводе.

Затем до него донеслись разговоры.

– Рядовой Еремеев...

– Танкист?

– Так точно. Из 131-й «сводной» бригады, трицц прапрщик! А медаль аль орден за полковника дадут, ежели вытащим?

– Угу... Ты сперва вытащи, – басил Пашков. – У тебя хоть документы есть, чтобы знать, куда весточку слать, если убьют?

– Никак нет. Ротный собрал, трицц прапрщик!

– А как хоть зовут ротного твоего?

– Не знаю. Нас ему первого передали, аккурат в Новый год. Не успел запомнить.

– А где он сам?

– На «Минутке» сгорел, трицц прапрщик...

Пашков что-то спросил.

– А что я мог, трицц прапрщик, – словно оправдываясь, ответил рядовой. – У нас все приборы сгорели. Я ж не знал, как с этим делом шурупить. Меня в учебке только ать-два-ать-два гоняли да полы заставляли мыть вместо дедов... Досыта не ел... Какая ж тут учеба-то?

– И чего?

– Ну я все и сжег. Связи нет... Ночной прицел отказал. Работать можно было только на поворот башни и на стрельбу.

Снегирев вспомнил, что и об этом писали отчеты. В штурмовые колонны послали напичканные электроникой танки Т-80. Да только вот не учли, что разрабатывалась она из расчета на советского призывника, при этом хорошо подготовленного, а не на теперешнего двоечника, у которого одно пиво да «качалки» на уме. (И хорошо, если пиво, а не клей и не «колеса»!) И в результате вся эта электроника была пожжена неумелыми действиями экипажей. Ни связи, ничего.

Господи, а ведь это всего-навсего маленькая взбунтовавшаяся автономия во главе с чокнутым генералом! Что же будет, если, не дай бог, приключится что посерьезнее?! Хотя, похоже, ему этого уже не узнать...

О своей возможной скорой смерти полковник Снегирев подумал спокойно и отстраненно, как о чем-то не особо важном.

Повисло молчание.

– Трищ прапрщик, – вновь подал голос Еремеев. – А вы трищ полковника как выносить будете? Ежели он в живот ранетый, то его трогать нельзя... Может, кто-то останется, а кто-то к своим выйдет?

– Где теперь свои-то?

Голоса достигали его разума искаженными, он плохо понимал, о нем ли идет речь, или о ком еще...

– Не дотянет...

– Как его угораздило?..

– Пулевое и два осколочных...

– Легкое задето... И кажется, почка...

– П...ц ему!

– Х... вам, а не п...ц! Я не сдохну! – закричал полковник. – Не сдохну, слышите?! – Кто-то склонился над ним. – Я не сдохну, – упрямо шептал Снегирев. – Пашков, Пашков, ты слышишь меня?

– Слышу, товарищ полковник...

Потом он вдруг увидел что-то и потянулся к автомату, и тут же схватился за перебитую метким выстрелом руку, а в комнату ворвались черные тени.

До них все же добрались...

Мрак навалился на Снегирева, закружил, втягивая в бездонный, стремительно вращающийся колодец.

«Я умираю, – успел подумать он. – Ну и хорошо...»

Аргуэрлайл. Великая Степь. К востоку от Шароры.

Год Белого Солнца, месяц Цветения Трав по степному календарю

Пыль ложится на изможденные лица, на тряпье, одежды и волосы. Постепенно превращаясь в плотное облако, она ползет вместе с караваном. Пыль эта видна издали, за много километров. Предательская пыль. Нет ветра, чтоб развеять ее. Утомительно медленно оседает она на окостеневшие от жары и высохшие от безводья травы, но не может плотно закрыть белизну костей, лежащих у дорог.

Всюду следы смерти. Из-под кустов тамариска пустыми глазницами смотрят в гладкую дымчатую синеву неба черепа животных.

Иногда, словно жвала паука-великана, над чахлым кустом торчат ребра верблюда или скакуна. Встречаются на пути и целые кладбища из гниющих трупов животных, и тогда воздух наполняется таким смрадом, что уставшие люди задыхаются и, схватившись за животы, блюют желчью, корчась от тошноты.

Стонут верблюды, скрипят арбы, тихо блеют бараны, плачут или сквозь зубы шлют проклятия врагу люди. До крови натерты спины четвероногих, но им могут дать лишь краткий отдых. Потом старейшина рода вновь взберется на коня и молча продолжит свой путь, а за ним вновь потянется весь караван уставших, голодных, больных, раненых степняков, потерявших свой кров, своих близких, сам смысл бытия. Они покидают родной край, не зная, что их ждет впереди, не ведая, смогут ли когда-нибудь вернуться назад.

Идут днем и ночью, боясь остановиться и отдохнуть, опасаясь ночевки и сна, страшась отстать друг от друга.

Их гонит враг. Жестокий, как демон ночи, бесчисленный, как саранча.

Жители Степи бегут на запад, на северо-запад и на юг. С нагорий Градира, с берегов Фентера и Аксу, Ит-ишесса и озера Арнис-Фоля, Акшанга и Саруна к границам Эуденоскар-рианда и Конгрегации; бегут даже к берегам Океана и на вольные пастбища Шароры – дальних юго-восточных саванн.

Иногда старейшина остановит коня, чтобы подождать отставших, протрет платком затуманившиеся глаза и долго смотрит назад, стремясь увидеть родные горы, холмы и поля. Но ничто не радует взора, когда кочевья окутаны дымом пожарищ, когда горят сады и поля, когда на твоей земле властвует враг.

Беспорядочный поток беженцев, идущих по бездорожью, по оврагам и низинам, охраняют уцелевшие в битвах нукеры. Они не снимают кольчуг, колчаны их набиты стрелами, ни на миг они не опускают щиты и копья, только часто меняют коней. Воины молчаливы так же, как и старик, едущий впереди. Мрачные, как тучи, черные от солнца, их лица окаменели от отчаяния и ярости, глаза красны от бессонницы.

Когда передовые отряды вражеских лазутчиков появляются вблизи, нукеры отстают, чтобы защитить свой род. Смерть в бою им желанна – она избавляет от мук. Они больше не в силах видеть страдания своих соплеменников.

Чем больше льется крови, тем яростнее взгляд солнца. Чем больше смерти, тем безумней жара.

Старики умирают безмолвно. Роняют свой посох, медленно опускаются на дорожную пыль и лежат с раскрытыми глазами, пока кто-нибудь не прикоснется к их векам ладонью и не закроет их навсегда.

Слишком часто видны в степи свежие могилы, не успевшие осесть и зарости. Никто не знает, чьи они Своих или чужих? Проезжая мимо них, старики беззвучно повторяют молитвы. Умолкают дети.

Бывает, что глава каравана, едущий на могучем коне в окружении бывалых воинов и молодых нукеров, неожиданно повернет в сторону и остановится. Воины сойдут с седел и бросят на землю тяжелые щиты и копья. Холодным ветерком пройдет шепот.

Еще один мертвец лежит под пустым равнодушным небом.

Хоронят молча. Не зная ни имени, ни рода мертвеца. Не по вспухшему и почерневшему лицу, только по шлему, по кольчуге, по стрелам, впившимся в грудь или спину, узнают в усопшем врага или своего.

Но кем бы он ни был, о нем никто не скажет ни слова. Об усопшем не говорят плохо. Мстят только живым. Мертвых почитают – среди них уже нет врагов. Мертвые все равны – хан ты или раб – твой труп становится пищей стервятников и шакалов.

Все шире поток беженцев. Осиротевшие дети, прибившиеся к каравану в поисках защиты. Семьи, потерявшие отца или мужа. Одинокие скитальцы, лишённые крова, родных и надежды. Люди, в чьих стадах весь скот угнан врагом или украден мародерами... Они бегут, но тщетно.

Ни людям, ни животным не скрыться, не убежать от этого томящего зноя беспощадно палящего Солнца. И никуда не скрыться от свирепого врага, который может появиться возле тебя в любой миг, в любое время дня и ночи. И что хуже всего – никто не знает, где свои, где чужие...

Первый удар приняли на себя нукеры восточных племен. Но у них не хватило времени объединить всех ополченцев в единую армию. И главное, не нашлось вождя, который смог бы стать во главе сопротивления.

Каждое племя, каждый род сражались в одиночку. По сто, по тысяче нукеров выходило навстречу шаркаанской коннице. Нукеры стояли насмерть, прикрывая отход своих родов в глубь степей. Но все новые полчища шаркаанов переходили границы у берегов Даргоса и Народа. Шли бои на берегах Тене и Жеру.

В железные тиски конницы шаркаанов попали роды и племена от Кайсана до Балласа. Кануй, сулаты, албанды и суаны, алаирцы и рекканы бились разрозненно. Тысячники шаркаанов легко расправлялись с ними и проникали все дальше, в сердце степи. Они уже жгли

посевы и пастбища майкенов, кедеев и конгратов. Отчаянно, подобно тиграм, защищающим свое логово, подобно нетварям в боевом безумии, когда маги посылали их в атаку, дрались свободные степняки, дрались, не отступая ни на шаг. Но силы их иссякли.

Бросив дома, они уходили семьями во чрево гор и в глубь степи, в города-крепости Эуденоскаррианда – Аутар, Саграм, Ширгенг.

Старый Инкай в ту пору увел свои кочевья в глубокие ущелья Терг-Карнийского нагорья. Он верил тогда, что шаркаанов прогонят, или они уйдут сами. Надо было только переждать.

Но передовые отряды правой руки Ундораргира – Рамги уже свободно рыскали повсюду. Все больше людей попадало к ним в плен. Шаркааны везли добычу к шатру своего повелителя. Несметные стада, тысячи рабов и рабынь гнали победители к верховному вождю, а тот одаривал ими верных слуг.

А они... они бежали в надежде спастись. Родина, близкие остались позади. Лишь слезы, горькие соленые слезы застилают глаза...

Люди научились молчать. Научились хранить тайну от неизвестных скитальцев. Инкай-старейшина знал, что больше уже нет возврата назад, что он не сможет спасти тех, кто еще остался в живых и верит в него. Но умереть – он умрет вместе с ними.

Было у него единственное желание. Он хотел умереть, как умирают вожаки израненной стаи волков. Защищаясь и защищая своих. Молча взывал к душам предков, к Священной Луне и Высокому Небу, чтобы они сохранили ему силу и спокойствие. И, зная безнадежность своей просьбы, он все-таки просил богов помочь ему найти маленький, тихий уголок на этой огромной, объятай огнем, разорванной в клочья войной и смутой земле. Клочок земли, где бы журчал родник, и имелось бы пастбище для скота, где бы дети и старики, еще верящие в него, в силу и разум старейшины, могли бы провести остаток своих дней. Ему лишь бы устроить, успокоить их.

А потом он готов на все. Согласен достойно принять любую смерть. Потому как страшно устал от всего. Наипаче же от этих шаркаанов и их проклятого Ундораргира. Но удрать невозможно, все взгляды устремлены на него. В нем живет чувство вожака. Это чувство держит его в седле, сохраняет ему спокойствие. Он должен думать о спасении этих забытых богами людей до самой своей смерти. Так было каждый день во все эти долгие месяцы войны.

– Если же суждено погибнуть всему нашему роду, срази меня сегодня, до заката этого жестокого Солнца, – невольно вырвалось из уст Инкай, когда от встречного бродяги он услышал весть о том, что полчища шаркаанов прошли через Северный Эльгай и, уничтожив все кочевья, которые ютились там, вошли в Органг и Торвикр.

– Будьте вы прокляты, о Священная Луна и Высокое Небо! – застонал Инкай.

Крепко сжал рукоять дедовской сабли и оглянулся, еще не поняв сам, сказал ли он эти слова вслух или только подумал.

Он уже давно ехал молча. Не слыша никого, не видя ничего, погруженный в свои мысли. И куда теперь нужно вести свой род ему, Инкаю?

Может, и не надо никуда идти? Вдруг, соединив силы, степняки юга остановили шаркаанов, и можно вернуться домой, в родные края?

Да разве мало в горах ущелий, скал, долин и неприступных высот, где можно спрятаться со своим родом? Нужны ли шаркаанам горы? Они обойдут их стороной. Им надобны табуны ханов, богатства нойонов. Не пойдут же они через опасные перевалы, чтобы захватить в полон маленький бедный род.

Не заметил, как остановил коня, как подъехал к нему сын – Аракао. Самый младший из пятерых.

Единственный оставшийся в живых. Трое пали прошлым летом в битве с шаркаанами. Четвертый погиб зимой: пошел на охоту, забрался слишком высоко в горы и случайно набрел

на вспугнутого пятнистого медведя. Не успев поднять рогатину, угодил в когти зверя. Храбрый Смай, истекая кровью, нашел силы достать кинжал – но был поздно... Погибли оба – и зверь и человек...

– Что случилось, что с тобой, отец? – тихо спросил Аракао.

Он родился в ту весну, когда Инкаю исполнилось пятьдесят. Значит, ныне двадцать ему. И пятнадцать из них он провел без матери. Старшие братья любили его, баловали. Любил его и сам Инкай.

Лицо сына покраснело от жары. Шлем на голове был немного приподнят, на лбу виднелись капельки пота, под тонким чекменем, сотканным из верблюжьей шерсти, сверкали кольца байданы. Он был широк в плечах и ладно сидел на коне. Кинжал – подарок старшего брата – висел на боку. Колчан набит стрелами.

– Что случилось, отец? – повторил сын.

– Жара, – ответил старик. – Нам нужно скорее добраться до воды. Найти место для привала.

– Река уже близко, так говорят нукеры, – ответил Аракао.

– Мы не пойдем к реке. – Голос Инкай стал тверже. – Пусть подойдут остальные. Мы подождем их. Укроемся в ложбине за косогором. Там бросим лишние арбы. Погрузим на оставшиеся раненых. Больных и детей посадим на верблюдов. Все лишнее бросим.

– Но люди не могут идти дальше, – сказал сын. – Они устали, голодны. Жара их доконала. Старик не ответил.

– Эй, Кайял, где ты?! – крикнул он, насупив брови.

– Я здесь, старейшина.

Запыленный, усталый воин с перевязанной головой и с длинными волосами выехал из толпы и подъехал к старику, придерживая булаву, притороченную к седлу. За спиной у него торчала пика.

– Возьми с собой кого-нибудь из нукеров и скачи назад! Поднимись на вершину. Оглянись кругом. Протри глаза! Никто не должен знать, куда мы свернули с дороги. Стой там столько времени, сколько понадобится, чтобы сварить полказана бычьего мяса. А потом идите! Осмотритесь – выясните – вынюхивайте – близко ли враг! Когда узнаете хоть что-то, скачите назад и ищите нас в песках, там есть колодец, там корни саксаула уходят глубоко в землю. И тогда решим, как нам быть дальше – вернуться в родные горы или ждать!

– Я понял тебя, Инкай, – ответил Кайял.

– Я с тобой, Кайял! – Аракао прищипорил коня.

Кайял взглянул на старика. Старик растерянно смотрел на сына. До сих пор Аракао не участвовал в сражениях.

Парень ждал благословения отца. Но отец молчал. Он молчал не потому, что считал сына слишком молодым. А потому, что тот был единственным из пятерых, единственным оставшимся в живых. Кроме него, у старика не было никого – ни жены, ни снох, ни внуков.

Сын смотрел прямо. Старик на минуту закрыл глаза. По лицу пробежала тень, чуть побледнели скулы. Но голос старейшины прозвучал спокойно и твердо:

– Благословляю тебя, сын. Будь храбр и осторожен...

Инкай провел ладонью по бороде.

– Ступайте! – властно сказал старик.

Аракао придержал своего скакуна, чтобы пропустить Кайяла вперед, взглядом обвел истерзанный караван. Юный воин, сидевший на усталом вороном коне и державший за повод навьюченного верблюда, не спускал глаз с Аракао. Караван вновь двинулся вслед за Инкаем. Воин все еще не трогался с места.

– Ты чего стоишь? Трогай! – раздался чей-то голос.

– Сейчас!

Воин сорвал с головы шлем, и черные волосы упали на плечи. Это была девушка.

– Сейчас, я поправлю седло.

Она соскочила с коня. Начала перетягивать подпругу, не спуская глаз с Аракао. Поправляя колчан со стрелами, парень еле заметно кивнул ей и, прищипорив коня, помчался за Кайялом.

Девушка долго смотрела вслед. Потом прижалась головой к седлу. Плечи вздрогнули. Накалившееся стремя обожгло щеку. Она подняла голову к небу. На глазах были слезы.

– Проклятая жара! – вырвалось у нее.

Когда она вновь взглянула на людей, в ее глазах уже не было слез.

Рядом застонала женщина. Девушка оглянулась. Беженка сорвала с головы черный платок и упала, забилась в истерике. Возле нее, на развернутых лохмотьях, лежало красное, сожженное беспощадной жарой тело ребенка. Тот был мертв. Женщина только что взяла его из люльки, притороченной к седлу коня, и распеленала, чтобы накормить своей иссохшей грудью.

– Высокое Небо прокляло нас! – хрипела женщина, ударяясь головой о землю. – Мы все умрем!

Девушка подняла ее с земли и прижала к себе. Караван остановился. Женщина вырвалась из объятий девушки и снова упала в пыль.

– Оставь меня, Арая, – еле слышно произнесла она. – Воды...

Девушка подобрала повод верблюда. Железное кольцо, вдетое в нос дромадера, натянулось. Атан со стоном согнул передние ноги и тяжело опустился на землю. Хромой табунщик Окдай, отец девушки, быстро отвязал кожаный мешок с водой. Деревянную чашу, наполненную влагой, Арая поднесла к губам женщины. Люди растерянно смотрели то на тело ребенка, то на женщину, то на вожака своего – на старого Инкая.

– Несите их! – приказал вожак.

И, не оглядываясь, направил коня к узкому, заросшему колючкой оврагу. Люди потянулись за ним. Двое мужчин положили женщину на носилки. Арая завернула тело малыша в лохмотья и вместе с ними пошла вслед за караваном. Конь шагал за ней...

Вскоре дорога опустела. Лишь вдали на востоке, поднимая облачко пыли, удалялись два всадника. Да в раскаленном небе кружили сытые коршуны...

Пройдя два полета стрелы от дороги, Инкай остановил свой караван и обратился к соплеменникам:

– Здесь похороним малыша. Выберите ослабевшего коня. Принесите жертву Священной Луне и Высокому Небу и накормите людей. Ночь будет темной. Все, что можно сжечь, сложите в кучу. Разберите арбы и волокуши. Пусть костер будет хорошим. Дайте отдых коням и верблюдам. Завтра двинемся через пески к озеру Арнис-Фолю. Найдем колодец и будем ждать наших гонцов.

Это была его самая длинная речь за всю дорогу.

Еще один могильный холмик отметил путь каравана. Обхватив руками могилу сына, лежала мать.

Солнце уходило за горизонт...

Грозный. Конец января 1995 года.

Несколько кварталов от центра города

Очнувшись, Снегирев сперва удивился, что вообще очнулся и жив. Вторым удивительным фактом было почти полное отсутствие боли. Ни в боку, ни в животе. Разве что бинты и засохшая кровь напоминали о том, что совсем недавно он был на волосок от смерти, и это ему не померещилось. Или все же все померещилось?

Полковник потянулся, присел и обнаружил, что его правая рука прикована наручниками к холодной батарее. Он лежал на старом матрасе, запачканном чем-то черным, о природе кото-

рого думать не хотелось. В комнате – голой, разбитой, с выбитыми окнами и расколотой мебелью было несколько человек в обычных армейских зимних бушлатах и касках.

Двое возились у армейской радиации, явно прослушивая переговоры.

До слуха полковника доносилось:

– Я – Калибр-10! Я – Калибр-10! Всем, кто меня слышит, подбросьте хотя бы пять коробочек к «Минутке»... Прошу, будьте людьми, мужики!

Так, он в плену. Что ж, даже с полковниками это бывает.

Воспринял все отстраненно, просто как факт.

То, что делали с пленными озверевшие аборигены, он знал не по слухам, а из рапортов, из которых следовало, что самые жуткие слухи не говорят всей правды.

Это солдатику могут просто прострелить живот и бросить подыхать, пока местные псы будут обглаживать ему ноги и руки – еще живому.

А для офицеров такого «милосердия» не припасено. И хорошо, если тех подвергнут обычной пытке или посадят на кол. Могут выколоть глаза и оскотить – и выпустить «на свободу»: если найдут свои, то будешь жить – хотя какая это жизнь! Могут изнасиловать всем отрядом и возить с собой, время от времени устраивая оргии да еще снимая это на пленку. Могут заставить сражаться в гладиаторских боях с такими же пленниками – под гогот и аплодисменты двуногих скотов, заключающих пари. Могут...

Но он вроде полковник и дорого стоит. Значит, и придумают для него что-то особенное.

Пожалел, что не захватил с собой яду, как на полном серьезе советовал начмед управления майор Галустян.

Или же его используют как ценного заложника? Например, обменяют на кого-то из важных пленных.

Или...

Вот тут Снегиреву стало по-настоящему страшно.

Не секрет, что в Чечне паслись не только разнообразные боевики со всего мира – от прибалтов и юаровцев до душманов, то есть как теперь принято говорить по «дебелизору» – афганских моджахедов. Не менее активно тут орудовали всевозможные разведки. И целый полковник российской контрразведки для таких – лакомая добыча. Особенно для бывшего потенциального противника, а ныне стратегического партнера. То есть их людей тут, конечно, «нет». Официально.

Вот тогда точно шансов не имеется. Даже из рабского зиндана выходят. А в этом случае из него сперва самыми разнообразными методами вытащат все. Воистину ВСЕ (вот у серых оперативников ЦРУ глаза на лоб полезут!), а потом прикончат и заруют далеко и глубоко.

«Но, может, все не так плохо?» – робко затрепетала надежда.

Ведь все чаще идут сообщения, что многие полевые командиры осведомляются в неофициальном общении с федералами о том, что будет с теми, кто добровольно сложит оружие?

– Гром-15, Гром-15! Это – Волк-103. Движемся по Старопромысловскому шоссе. Только что пересекли Алтайскую улицу, Алтайскую. Прием... – заверещал приемник.

– Понял вас, Волк-103, понял. Продолжайте движение.

– Гром-15. Это – Закат-5. Если есть возможность, выдвинетесь в район Старопромысловского, выручайте 119-й батальон... Он должен быть в районе Кропоткинской. Прием...

– Ага, вас ищут, Алексей Евгеньевич, – вернул его к действительности чей-то глас.

Напротив стоял, покачиваясь с носка на пятку и небрежно заложив руки за спину человек в таком же, как у здешних чеченцев и у него самого, зимнем армейском обмундировании – разве что на голове вместо каски или ушанки была генеральская каракулевая папаха старого образца.

Снегирев этого человека не видел прежде, но, конечно, узнал сразу.

Бывший командир лучшего арtpолка Советской армии. Кавалер ордена «За службу Родине» III степени. Второй или третий человек в руководстве сепаратистов.

Организатор обороны Грозного... Член КПСС с... Вроде бы в контрах с шариатской госбезопасностью и этими... ваххабитами. Ну, что еще там было в досье, собранном наспех в его конторе?

Мановение руки, и присутствующие скрылись в дверных проемах.

Они остались одни. Два гражданина одной страны. Два офицера одной армии. Два врага...

По ту сторону пролома в стене за спиной чеченца расположился небольшой скверик. Вернее, сквер там был когда-то в мирное время. Ныне глазам предстал сюрреалистический кошмар. В беспорядке, как брошенные на детской площадке игрушки, на площади замерли десятки мертвых железных зверей. Это беспорядочно разбросанное стадо сожженной техники подавляло своим количеством. Сколько же ее здесь? Снегирев вспомнил, что как раз тут в первый штурм приняла бой Кубанская сводная бригада. Так и стоит, где дралась...

Взгляд полковника выделил из общей массы разбитого железа невиданную доселе конструкцию. Танковое шасси, вычурная башня, направляющие ракет, колпак локатора, стволы пушек по бокам.

Словно из декораций к фантастическому фильму.

– «Тунгуска», – процедил чеченец, заметив его интерес. – Новейший войсковой комплекс ПВО. Какое мудило пригнало ее сюда и зачем – ума не приложу. Там за поворотом еще пара «шилок» стоит. Одних восьмидесяток двадцать. БТР и семьдесят вторые не считали...

– Послушайте, товарищ подполковник... – тихо начал Снегирев, решив, что чему быть, того не миновать.

– Я тебе не товарищ! – зло и вместе с тем устало прошипел Аслан с прорезавшимся акцентом. – Волк позорный тебе товарищ! Я для тебя гаспадын бригадный генерал! Долго же пришлось тебя лавить. Сперва забрасывать дезу этим тваим... – он сплюнул, – федералам-педералам про архив, патом еще пастараться, чтобы тебя паслали, патом еще лавить по всему Грозному...

– Вы за мной, что ли, следили? – пробормотал полковник.

– Такое уж время наступило, – ответил Аслан. – Разве Россия сейчас не свободная страна? Каждый теперь имеет право следить за другим! Тем более нэ известно, кто окажется другим, – со зловещей многозначительностью добавил чеченец. – Кстати, Алексей Николаевич, а вы миня савсем не помните? – с неподдельным участием осведомился он полминуты спустя.

Снегирев покачал головой. Как он точно знал, с этим человеком они нигде совместно не служили.

– Ну да, где вам, белой чекистской кости помнить армейскую скотинку? – презрительно ухмыльнулся Аслан. – А я вот вас запомнил, хотя всего два раза видел.

Кавказский акцент в его голосе снова пропал.

– Это где ж?

– Где? – протянул чеченец. – В Октябрьске, где ж еще? Один раз на совещании по магической безопасности, второй – когда политотдел читал доклад по взаимоотношениям с аборигенами. Помню, сидели вы в президиуме. Так, с краешка, скромно вроде, да на ус мотали...

Снегирев ощутил, как на лбу выступила испарина, а сердце замерло на миг. Вот оно как!

Ну понятно, откуда серым затурканным «особнякам» из родного ФСК знать про такое?

Да... Что-то часто в последнее время встречаются ему люди из прошлого, которое надо забыть. Которое было приказано забыть, и которое согласились забыть все, включая и американцев и французов. Что было решено считать «не бывшим», и чего нет даже в пресловутой «Особой папке», чтоб Первый кому не надо невзначай по пьяни не выболтал.

Нет, конечно, шила в мешке не утаишь, и кое-что просочилось наружу. Пусть лишь на страницы желтых газетенок и разных безумных книжонок – тех, где пишут про инопланетян, сношающих земных девиц, и Гитлера, улетевшего налетающей тарелке, созданной тибетскими магами, в Антарктиду в сорок пятом. Особо хитрые журналоги и долбанутые энтузиасты уфологии, правда, начали копать это дело, так что даже пару раз пришлось принимать меры.

– Не находите это забавным, полковник? – с коротким смешком продолжил разговор Аслан. – Еще совсем недавно мы штурмовали другие миры, а сейчас *вы* не можете взять бывший горком бывшей партии...

– Возьмем... Еще не вечер, – зло огрызнулся Снегирев.

– Да я ж не спорю... Возьмете и дворец Джохара и Грозный... если повезет. Но толку-то? – Чеченец передернул плечами. – Потом ведь все равно уберетесь. Не через год, так через десять лет. Видел я ваших солдатиков – это ж сплошные слезы. Но они хоть немного в нормальной школе поучились, хоть ели досыта. А что дальше будет? Вам не страшно, полковник?

Снегирев промолчал, сказать было нечего.

– А ведь все могло бы быть по-другому... – тихо и печально проронил Аслан. – Могло... Но вы не захотели, именно вы. И ты...

Ощувив подступивший страх, полковник уставился на Аслана. Не может этого быть... Откуда он знает...

– Да, я все знаю, – кивнув, ответил тот на незаданный вопрос. – Не спрашивай откуда, поймешь сам. И про спецподразделение «Прометей», и про тетрадошки с разными предсказаниями. Вы их... – он сплюнул, глотая мат, – вашему Ельцину отдали или себе припрятали?

– Послушайте, Аслан Алиевич... – Снегирев запнулся. – Это... не такой простой вопрос... Вы можете мне не верить, но мы и в самом деле пытались сделать все, что в наших силах...

– Вах!! – махнул чеченец рукой. – Ну что ты мне будешь гаварыть – пытались-мытались? Что, Лысого Меченого притравить не могли или алкаша беспалого? Как Литовкина или бедолагу Пашенко, да? Диоксина с полонием пожалели, да?

«Откуда он про это знает?! – пронеслось в мозгу полковника. – До этого же еще далеко! Хотя... если он тоже из *них*...»

Его вдруг проняла крупная дрожь.

И дрожь эта была вызвана не тем, что он боялся Аслана, хотя, конечно, боялся. Но не только, и, пожалуй, даже не столько...

Снегирев ощутил остатками умений мага третьей ступени, что было в этих руинах еще *что-то*, кроме них. Что-то очень сильное и злое. Тогда дела их куда более поганные, чем казалось, ибо сражаться с магом-провидцем, не имея на своей стороне никого похожего, так проще удавиться. А никого и нет – спецподразделение «Прометей» распущено и возрождению не подлежит, а после гибели Фискара в проклятом октябре прошлого года оба оставшихся на их службе чародея из другого мира бесследно исчезли. Но, черт возьми, Эйгахаловы людишки, помнится, говорили, что в здешнем мире способен на что-то существенное маг никак не меньше восьмой ступени? Полковник точно не помнил на память всех самопальных чародеев ОГВ, вернувшихся с Аргуэрлайла на Землю, но то, что его собеседника там не было, – это факт. Он бы знал... Или тот просто *не доложил* о пробудившихся способностях?!

Дьявол! Так ведь это он, не иначе, вылечил его, причем от очень скверных ран! Но как же тогда быть с «правилом одного таланта», согласно которому маги не могут почти ничего за пределами своей «специализации»? Или есть исключения? А может, их «кореша» из Конгрегации просто наврала? Или... это Аслан не маг, а шаман? Эти и правда могут почти все.

– Ладно, – поднялся с места Аслан, хлопая себя по бедрам и вставая. – Все это не так важно, потому... Потому что... Не буду долго говорить, время не терпит. К нам на Землю пришел бог.

– Бог? – зачем-то переспросил Снегирев.

– Бог, самый настоящий. Тут у нас, видите ли, уже примерно лет этак тысячи с три как не было богов, – сообщил Аслан. – Почему, думаете, маны кот наплакал, да и та дрянная? Потому как ее проводники в наш мир – именно боги и высшие демоны, что бы эти кретины из тамошних школ ни говорили. Ну вот, когда наши ученые пробивали дырку между мирами, они нашумели так, что разбудили одного крепко спящего, почитай что *мертвого* бога. Нет, не совсем мертвого...

Чеченец поморщился, пытаясь подобрать слова.

– Он, как бы это сказать, впал в детство, что ли? Нет... не то... – Аслан провел ладонью по лицу. – Не знаю, как объяснить. Понимаете, боги, они вообще не то, чем кажутся. Все дело в том, что он потерпел поражение... Когда-то очень давно... Имя его никогда больше не прозвучало, даже имя... Еще во времена гой самой цивилизации, что была на Аргуэрлайле до той, которую мы там застали, в ее самые ранние дни. Оно было сбито с барельефов, а его изображения уничтожены все до одного. Были убиты жрецы, все до единого, и даже просто люди, знавшие, как ему правильно поклоняться. Вот такой бог-изгнанник, вышвырнутый и с Неба, и из Преисподней, одинаково проклятый и там и там. Нет, ты не подумай, майор! – вдруг словно спохватился чеченец, назвав Снегирева по званию, в котором тот был во времена операции «Порог». – Он был силен, очень силен! Но, – кривая усмешка, – нашлась сила и на него. По его приказу мертвые могли восстать из могил, но он не мог погасить Солнце и даже Луну, оттого и проиграл. Ибо силами Солнца его враги и пользовались...

Чеченец бормотал это каким-то странным речитативом – ни дать ни взять служка в темном храме, привычно отчитывающий слова богохульного писания...

– И бог явился сюда по нашему следу. Обычно боги прикованы к своим вселенным, но этот был немного другой породы. Все дело в том, что он был Сыном...

Потом вдруг Аслан встряхнул головой, сурово поглядел на полковника.

– Да... чего-то я... Ну ладно, это неважно... пока.

Кроваво-красный отблеск дальнего пожара плясал на его костистом лице с уже заметно отросшей щетиной, отражался в блеклых глазах.

– Просто прими это к сведению – раньше на Земле не было богов. Теперь они есть. Теперь Он есть, – поправился. – Мы ему служим. *Он* пришел ко мне, когда мне было плохо, когда ваша «демократия» вышвырнула меня из армии и грозила раскатать мою несчастную Чечню танками. И я ему поверил и впустил в себя... И теперь служу ему. Я и мои товарищи. И тебе тоже придется ему послужить. Но сперва его надо будет немного подкормить...

– Кого? – пересохшим горлом выдавил полковник.

– Нашего Владыку... – прозвучало в ответ.

И ухмылка, в которой противоестественно смешались неподдельное благоговение и одновременно умиление, с каким хозяин смотрит на любимую собаку или кошку, показалась Снегиреву на редкость омерзительной и страшной.

– Нет, ты не подумай... Ему не нужна кровь, плоть или то, что мы называем душой... – как бы размышлял его собеседник вслух. – Просто жертва отдает ему оставшиеся годы своей жизни – он питается временем, которое определено человеку. Ему все равно, чье время, хотя, конечно, у молодого времени больше, чем у старика...

Так бурча себе под нос, он вытащил из кармана разгрузки пачку свечей, затем на полу появился старинный медный тазик, наполненный водой, в которой плавали кусочки льда. Расставил свечи вокруг миски в пластиковые розеточки, какими украшали свадебные торты. И этот контраст потусторонней жути и прозаических мелочей мирной жизни заставил сердце полковника сжаться.

Аслан постоял со склоненной головой три или четыре минуты, словно молясь в молчании. Затем принял у вышедшего из дверного проема автоматчика накрытый крышкой армейский котелок – самый обычный.

Под крышкой оказалась пригоршня исходящих сизыми искрами углей.

Он дунул на угли и зажег свечи от вспыхнувшего пламени...

– Нельзя использовать спички, в этом огне не должно быть ни следа серы, – объяснил зачем-то он. – А это тлеющие угли от разбитого снарядом дома... Самое то – огонь смерти и разрушения...

Снегирев лишь наблюдал с обреченным отчаянием, как бывший подполковник бывшей Советской армии расставляет свечи вокруг миски, всматриваясь в отражение огоньков.

Рослый бородатый боевик молча принес на руках спеленатого шнурами, как младенца, солдата, кажется Еремеева, и бережно положил у огненного круга, словно боялся сделать жертве больно. Потом бесшумно, как огромный тигр, скрылся в темноте и почти сразу появился, держа на руках еще одного, точно так же связанного, с перебинтованной головой. Тот слабо стонал, не открывая глаз. Затем рядом лег так же скрученный Пашков. Следующим был – Снегирев даже не сразу поверил – чеченец с развороченной грудью, кое-как перебинтованный. После еще трое – два солдата и не первой молодости женщина, не разобрать – русская или чеченка (похоже, поймали первую попавшуюся).

Густобородый здоровяк присел на корточки рядом с обреченными. Аслан, наоборот, – отошел в тень. Но тут порыв сквозняка задул несколько свечей, и бригадный генерал, шипя сквозь зубы проклятия, вновь раздул почти погасшие угли из котелка и зажег свечи.

И только потом бородач достал нож. Обычный столовый нож, не какой-нибудь навороченный «боуи» или «кукри» и не здешний кинжал в серебре, а заурядный сточенный столовый нож с деревянной ручкой, видать, не одно десятилетие мирно служивший нескольким поколениям хозяек на какой-то грозненской кухне.

Снегирев закрыл глаза, видеть это было выше его сил. Что бы там ни было с ним дальше, он имеет право не видеть Этого.

Он слышал чавкающий звук входящего в плоть лезвия, женский стон, какое-то бульканье...

Потом.

Потом пришел Он.

Или ОНО...

Что-то омерзительное и страшное...

Полковник содрогался от ужаса и отвращения, ощущая, как ледяные цепкие пальцы забираются к нему в мозг, вползают в уши, копаются в разуме и тянутся дальше, к тому, что священники называли душой. Затем из тьмы протянулись фосфоресцирующие щупальца и, воткнувшись в грудь полковника, начали вгрызаться в нее. Потом на него поглядели исполинские бледно-синие глаза колоссального спрута или кальмара...

Нарастая, в уши ворвались завывание и нечеловеческие голоса, тонкие и звенящие. Они доносились отовсюду и были невыносимы. Вибрирующий, доводящий до безумия звук на самой границе слышимости, от которого, казалось, лопнет череп.

И череп лопнул...

На бесконечную череду тысячелетий пришла неслыханная боль. Далее она кончилась, но ушла не сразу, а постепенно, цепляясь за мельчайшие осколки возрождающегося сознания, кусая, злобствуя. Затем ее не стало совсем, и тогда, хотя ни зрение, ни слух не спешили возвращаться, оказалось возможным понять: ничто не кончилось, мучители всего лишь решили передохнуть...

Закрыв глаза, он прислушивался к отсутствию боли. Первым делом попытался открыть глаза, и, несмотря на успех этого предприятия, ясности оно не добавило. Перед глазами стояла

красная завеса, которую кое-где нарушали синие сполохи. Но прошла вечность и еще одна вечность, а потом время замедлило бег, и глаза увидели свет свечей. Движения век вызвали новый приступ головной боли. Разглядел пустую холодную комнату и человека в генеральской папахе над ним. Аслан был один, он напряженно и озабоченно заглядывал в лицо Снегирева. Полковник скосил глаза.

Трупов уже не было, как и предметов жуткого обряда. И то, страшное и потустороннее, тоже ушло.

– Эй! Ты меня слышишь? Хорошо слышишь?

– С-с-с... Хр-р-р... – прохрипел Снегирев.

Означать это должно было что-то вроде «слышу хорошо», и Аслан его понял.

– Ну вот... вот и отлично, – удовлетворенно резюмировал чеченец. – Сейчас придешь в себя, и тогда мои люди тебя проводят к федералам. Пока полежишь в госпитале, пока то да се – и на службу... Третий штурм еще не скоро теперь будет, и я уж как-нибудь без тебя его отоью. Твоя очередь действовать позже придет... Да, на всякий случай, чтобы не было иллюзий... Попробуй подумать о том, как ты предаешь меня или Его? Ну, попробуй...

И Снегирев представил. Представил, как сразу по возвращении в Москву, наплевав на всю служебную иерархию и подчинение, на здравый смысл, поднимает трубку секретного телефона и, назвав пароль, просит связать его с президен...

– А-а-а... ах... х-х-х-у-у-у!!!

Боль была не такая уж сильная, вполне терпимая, но куда страшнее было то, что он ощутил за этой болью. То, что она – лишь крошечная часть тех мук и ужаса, что способен на него обрушить тот, кому предался его бывший сослуживец.

– Ну, понал, дюрачок? – с недоброй усмешкой осведомился Аслан с опять появившимся акцентом. – Так чито привикай, *Ученик*, тэпер тибэ уже никуда... А сичас, извэни, придется тибя нимножка прадырявит, тваи раны я зарастил савсэм, а вроде как неудобно без крови ухадить, да и падазренный меньше.

В руках Аслана появился, как по волшебству, массивный «глок»...

Москва. 2 апреля 1986 года

...Алексей Снегирев проснулся. Вытерев обильную испарину со лба, осторожно, стараясь не разбудить жену, спустил ноги с кровати.

Пытался нашарить тапки под диваном, но потом плюнул и как был босиком прошел на кухню, инстинктивно стараясь потише ступать, когда шел мимо двери в комнату сына. (Умался на соревнованиях, пусть поспит.) Сел на табуретку, зачем-то зажег газ и поставил чайник, хотя пить не хотелось. Потом вытащил из пачки «Кэмела» (еще афганские запасы) сигарету и прикурил от плиты, жадно затягиваясь.

Так, надо успокоиться, прийти в себя... В конце концов, пока все в порядке. Сейчас самое начало апреля 1986 года, а не страшный кровавый январь 1995-го. До него еще почти десять лет, он не полковник этого непонятного ФСК, а майор КГБ, сотрудник особого подразделения «Прометей», и завтра ему ехать в Чернобыль – предотвращать взрыв Четвертого энергоблока...

Да, еще ничего страшного не случилось...

Еще все можно исправить...

И в ответ на эту бодрящую мысль перед глазами встал ослепительно-черный свет и разлетающиеся мертвенно-блестящие звезды дьявольского причастия...

И Алексею стало страшно. Страшно, как не бывало никогда. Ни когда над Гиндукушем его Ми-8 поймал стингер, ни когда он, сжимая до боли зубы, сидел в приемном покое роддома перед дверью, за которой решался вопрос – жить или умереть Ольге и Дениске...

Ибо если его сон не лгал, а до того *такие* сны не лгали, то они обречены.

Можно и в самом деле без особого труда устранить пока еще не ставшего кем-то Беспалого или еще пребывающего на подъеме Меченого, можно послать киллеров к Рейгану или бен Ладену, можно назначить Дудаева командовать авиацией Дальневосточного округа, а этого Аслана – береговой обороной Курильских островов. Можно собрать всех отечественных воров и политиканов, каких он и такие, как он, вспомнят, на «Адмирале Нахимове», и в сентябре этого, 1986 года, с чистой совестью подставить старую калошу под таранный удар «Петра Васева»... Можно сделать еще сотню или тысячу вещей. Но что толку, если темный древний бог, чудовище из немыслимых забытых преданий другого мира уже на Земле? А значит, завтра или через двадцать лет, но оно все равно найдет кого-то, кто согласится впустить его в свою душу. Здесь ли, в Австралии, на Тибете или в Африке.

И ад разверзнется на этой несчастной планете!

Майор Снегирев готов был расплакаться, если бы с недавних пор не разучился плакать...

Южный океан. Побережье империи Эрикант

В храме Прародительницы Иас-Марои, небесной покровительницы Эриканта, что называется, негде было яблоку упасть (если бы, конечно, в садах Архиссима водились эти земные плоды). Торжественный молебен проводили все двенадцать высших служителей Хозяйки Воли, что обычно бывало только раз в год, на главный праздник богини, попадающий точненько на конец года.

Но властелин тысячелетий, хранитель Нефритового Алтаря, сиятельный император Чаг Рао Син отдал соответствующее распоряжение, и жреческий синклит не смел воспротивиться воле владыки. Тем более что повод был нешуточный.

Имперская флотилия под командованием шарускара Там Ах Кара отправлялась в поход на остров Боунг, откуда вот уже три месяца как перестали приходить какие-либо известия. Оно, может, и ничего бы, мало ли под рукой пресветлого императора Эриканта этих океанских островов, если бы не то обстоятельство, что именно с Боунга поступали в оружейные мастерские Архиссима материалы, из которых умельцы под личным присмотром блистательного и победоносного Там Ах Кара изготавливали чудо-оружие, принесшее империи победу над извечным врагом Сахоттом (ну и государствами поменьше). Это уже был непорядок, грозивший нарушить равновесие сил, установившееся на материке в последние несколько лет.

Государь лично просил шарускара принять участие в походе. Хотя сердце владыки разрывалось от горя. Ибо не мог и на несколько дней отпустить от себя первого вельможу империи, неоднократно спасавшего державу и лично повелителя от гибели. Считал его личным талисманом-оберегом, дарованным императору и всей стране самой Иас-Марои в ответ на пыльные и слезные молитвы и обильные жертвы.

Девятый служитель Хозяйки Воли, достойный Яо Сай Ма, скосив глаза влево, нашел крепкую фигуру смуглого горбоносого человека, одетого в парадный мундир шарускара, – великого капитана капитанов Южного океана.

Да, постарел победоносный с того времени, когда Яо впервые доложил государю о пророческом сне старшего алгу обители и о высадке на побережье неведомых людей. Мало кто из той девятки дожил до этого времени. Одного похоронили сразу после торжественной встречи. Не выдержал он испытаний, посланных небесами.

Разумеется, память покойного соратника шарускара почтили сооружением гигантского истукана, ставшего рядом с изваяниями, воздвигнутыми в честь предшественников нынешнего императора. Такова уж эрикантская традиция – чтить равных богам героев специальными статуями. Чтоб стояли на века, напоминая о деяниях предков.

Еще трое пали в битвах, которых за прошедшие шесть лет случалось немало. Причем один из героев, отважный Кон Ов Ал, погиб, защитив собственной грудью императора от сахоттского копья. Кровь храбреца смешалась с божественной кровью Чаг Рао Сина, так

слегка оцарапанного острым обсидиановым наконечником, и государь признал умершего на его руках смельчака своим кровным братом. Оттого воина похоронили в семейной усыпальнице владык Эриканта, а статуя его, ставшая рядом с прочими каменными стражами побережья, была на три локтя выше своих соседей. Чего-чего, а неблагодарности среди недостатков повелителя не водилось. А двое просто умерли от болезней, усугубленных тоской по краю за Великим Рубежом, откуда они пришли, ибо, как оказалось, люди эти не рождены этим миром.

– О великая Хозяйка Воли, премудрая Прародительница Иас-Марои, хранящая Эрикант! – вознесся к своду гигантского столичного храма торжественный голос первого служителя богини, премудрого Иска Тоно, одного из двух оставшихся в живых шарускаровых соратников, удостоившегося небывалой для чужинца чести возглавить высшую жреческую коллегия империи. – Благослови своих чад. Дай силы преодолеть вражьи козни. Помоги народу своему идти указанным тобою путем прямо, не сворачивая и не спотыкаясь!

Хорошо говорит святейший. Девять языков знает. И владеет святой книгой Иас-Марои, привезенной из-за Океана. Никто из двенадцати жрецов не может постичь премудрости, сокрытой в книге. С одним лишь Иск Тоно да еще с Там Ах Каром говорят удивительные страницы из неведомого материала, усыпанные россыпью завитушек-буквиц.

Вон возлежит чудо-книга на подставке, покрытой драгоценным ковром, ожидая, пока прикоснутся к ней персты святейшего. Тогда заговорит она с верующими, призывая их к поклонению и покорности.

Взгляд Яо Сай Ма переместился вправо от драгоценной книги и остановился на Нефритовом Алтаре. С тем в последнее время происходило нечто непонятное. Огромная нефритовая плита толщиной в два человеческих локтя прикрывала Колодец, из которого, по преданию, и явилась на этот свет Прародительница Иас-Марои, создавшая землю, воду, всех живых существ и человека. Там же, закончив все земные дела, она и упокоилась много тысяч лет назад, велев заделать колодезное отверстие изготовленной ею собственноручно каменной крышкой. Чтоб никому из злых божеств не повадно было пройти по ее следам в этот мир и разрушить все то, что она сотворила.

Так вот, с недавних пор эта самая плита стала стремительно истончаться, теряя каждый день с четверть ногтя толщины. Если так дальше пойдет, то через две луны Нефритовый Алтарь исчезнет. Маги пытались что-то сделать, но тщетно. Оставалось лишь молить Хозяйку Воли о защите. Вот бы еще знать, от кого или чего?

А началось все ровно три месяца назад, как раз тогда, когда с острова Боунг перестали приходить вести. И это была главная причина отправки экспедиции Там Ах Кара. О которой, разумеется, не оповестили верноподданных.

Яо Сай Ма снова обратил свой взор к шарускару. Интересно, о чем столь глубоко задумался победоносный?

Капитан второго ранга Тамерлан Ахмедович Каилов действительно находился в тревожных раздумьях. Сердце сжимали недобрые предчувствия. Отправляться на чертов остров он как не хотелось. Что-то подсказывало шарускару, что от этой экспедиции добра ждать не стоит. Не радовал даже новенький адмиральский мундир, специально для похода сшитый по рисункам кавторанга дворцовыми портными.

– Ничего, капитан, – заметив настроение командира, участливо толкнул его в бок старшина-морпех Коля Митин, последний из оставшихся в живых соратников-земляков, землян. – Прорвемся как-нибудь. Где наша не пропадала?

Тамерлан Ахмедович, или по-здешнему Там Ах Кар, кивнул и попытался вымучить из себя улыбку. Получилось плохо.

Эх, поистратился порох в пороховницах.

Стареет, что ли?

Да, уж не мальчик, шестой десяток как-никак разменял. На Земле уже точно топтал бы сушу, получая заслуженную пенсию. А тут фигушки на покой отправят. То война, то заварушка, то вот экспедиция. И везде он в дырке затычка.

Сколько же сделано с того времени, когда их десант высадился на побережье Эриканта? Если вспомнить да перевести на земные мерки, то любой Колумб с Боливаром обзавидуются. Можно сказать, своими руками сделал из полусухопутной, хоть и приокеанской страны мощную морскую империю, не уступающую по влиянию в данном регионе какой-нибудь земной Финикии или Великобритании. Поистине Эрикант стал править морями. Двадцать парусников построили за пять лет. Параллельно создавал артиллерию, фортификацию, финансовую систему. Водил в бой войска.

В скольких же это сражениях довелось побывать? И не припомнишь уже. Самой кошмарной, конечно, была война с кровожадным Сахоттом, напоминавшим Каинову державу ацтеков. Огромная страна, раза в три превышающая Эрикант территориально и населением, с четко упорядоченной иерархической структурой. Противостояние с нею длилось не одно десятилетие. Эрикант платил непосильную дань, оттягивая неизбежную катастрофу.

Как раз накануне высадки землян император Чаг Рао Син получил известие от своих шпионов при дворе сахотского государя, гласившее, что вскоре начнется война.

Как Каинову удалось ее выиграть, лучше не вспоминать. Да за одно это ему надо было присвоить не адмиральский чин, а сразу звание генералиссимуса. Впрочем, эрикантский «шарускар» вполне и соответствовал чину советского Верховного главнокомандующего, выигравшего Великую Отечественную.

Кампания длилась два с половиной года, закончившись блестящей победой Эриканта, оснащенного новым, невиданным в этой части Аргуэрлайла оружием. Цену империя заплатила немалую... но авторитет державы поднялся на немыслимую высоту.

Самому Каинову кроме небывалого чина войны принесли немалые богатства, несколько ран, а еще народную любовь (Сахотт поступал с пленниками, как правило, просто и незатейливо – приносили в жертву своим богам всех от мала до велика) да искреннее почтение местного государя, ибо старик не привык забывать добро, что с властителями нечасто бывает.

Вот чего точно не хватало, так это вестей с Большой земли. Как они там, его земляки-земляне? Что с операцией «Порог»?

Что-то подсказывало кавторангу, что дела на плацдарме у СССР идут негладко. Иначе давно бы уже добрались сюда советские авиация и флот. Сколько там того Аргуэрлайла? Нормальный скоростной авиалайнер в два счета покроет расстояние, пройденное экспедицией Каинова с таким трудом. Раз нет ни флота, ни авиации, значит... Быть может, они втянулись в магическую войну со всем миром – ума бы у вождей, а особенно у генералов-сухопутчиков (он, как и положено флотскому, был не очень высокого мнения об армейцах) могло хватить на такое... И может быть, сейчас бронеколонны наматывают на гусеницы орды нетварей и оживших мертвецов, а с неба рушатся сбитые заклятиями Ми и Су. Могли, напротив, вцепиться во взятое и осваивать его. Дело долгое и нудное, не до экспедиций и поисков пропавших. Да все что угодно! Пару раз возникала мысль самому отправиться назад, по уже «проторенному» пути. Однако император Чаг Рао Син и слышать не хотел ни о какой дальней экспедиции. Грозился лишить шарускара всех земель, средств и чинов и посадить в высокую и неприступную башню. Шутил, конечно, зная народную любовь к победоносному военачальнику. Пожалуй, пожелай он взять власть... Ну да оно ему, спрашивается, надо? Он что, в самом деле, Ленин или Мао? Манией величия пока не страдает...

– Во имя богини Иас-Марои, милостивой, милосердной, – затянул Иск Тоно противным тонким голосом. – Хвала Иас-Марои, повелительнице миров, богине милостивой, милосердной, Владычице дня Страшного суда. Тебе поклоняемся и к тебе взываем, направь нас на истинный путь.

Во как шпарит. Как по писаному. Вызубрил случайно завалившийся в бортовой библиотеке Коран от корки до корки. Не зря, знать, таскал за собой кавторанг трофей, привезенный из Афгана. Такие малоформатные книжонки на арабском и русском языках подбрасывали душманы нашим солдатам соблазну для. Пригодился священный текст, приспособленный к новым реалиям.

– Слава богине! – вознеслись ввысь слова, завершающие службу. – Мир всем!..

Кавторанг-адмирал уже привык к здешним водам с их необычной живностью. Не то что тогда, когда впервые пересекал Океан. Шарахались от каждой гигантской медузы, ожидая от комка слизи какой-нибудь подлянки.

Впрочем, тогдашнее его судно мог потопить любой мало-мальски приличный шторм. Как только выжили, до сих пор остается для него загадкой. Не иначе, впрямь помогала Прародительница Иас-Марои. Или родной земной Бог...

Теперь иное дело. Стоит на капитанском мостике трехмачтового красавца, оснащенного десятью пушками – по пять с каждого борта. Адмиральский флагман «Хозяйка Воли» – гордость эрикантского флота, любимое детище шарускара.

Сколько сил на него положено, но ведь не зря.

Тамерлан Ахмедович с любовью поглядел на реющее на флагштоке знамя. Синяя, красная и желтая полосы. Ракеты этих цветов выпустил Каиров в день, когда его нога ступила на землю Эриканта. И надо же так совпасть, что они оказались священными цветами Прародительницы Иас-Марои. Потому и приняли пришельцев как посланников богини. Вот уж случай помог. Потому как эти ракеты были последними в арсенале отважных мореплавателей.

Отсалютовал флагу.

– Товарищ капитан второго ранга, – поднялся к нему на мостик Митин. – То есть товарищ адмирал... То есть сиятельный шарускар...

Бедный старшина, вконец запутавшись в званиях командира, стушевался.

– Вольно, вольно, Коля, – похлопал его по плечу Каиров. – Чего нам чинами мериться, достойный кам-шарух?

Названный им чин соответствовал примерно земному капитану первого ранга. Николай удостоился его после Большой Войны с Сахоттом. Но по привычке они именовали друг друга своими старыми званиями: кавторанг, старшина. От этого веяло чем-то родным, забывать которое не хотелось, да и нельзя. Как и родной язык, на котором общались земляне между собой.

– Что там, Коля? Далеко еще до этого острова, будь он неладен?

– С полтыщи кабельтовых будет.

– Полета миль? – наморщил лоб Тамерлан Ахмедович. – Что барометр показывает?

– Ясно.

– Ясно, – хмыкнул кавторанг. – А чего виски ломит?

– Да и у меня поясница ноет, – почесал затылок старшина. – Верный признак надвигающейся бури.

– Вот за что не люблю местные воды, – начал Каиров, – так это за их полную непредсказуемость. Не подчиняются никаким законам природы. Тут тебе полный штиль, а через минуту может такой штормяра подняться, что мама не горюй.

– И так же внезапно сгинет, – поддакнул Митин.

– Ладно, Коль. Ты иди, делом займись. На всякий случай еще проверь пушки, снаряжение. Чего-то тяжело на сердце. С самого берега давит.

– И у меня, – признался морпех. – Только говорить не хотел. Чтоб чего не накликать...

Он сошел с мостика, а Каиров прильнул глазами к биноклю.

Где там этот остров?

Боунг был настоящим островом сокровищ. Чего только не водилось на этом большом, с земной Мадагаскар, клочке суши посреди Океана. И драгоценные камни, и золото с сереб-

ром, и корабельный лес. Но главное медь и селитра, необходимые для нужд армии. Именно из боунгской меди плавилась бронза, идущая на изготовление пушек, а из боунгской селитры производился порох.

Как ни странно, материковая империя не обладала запасами ни первого, ни второго. Проведенные Каировым геологические исследования показали, что Эрикantu вообще не повезло с полезными ископаемыми. Удалось отыскать уголь, небольшие залежи нефти и железных руд. Ну, соляные и нефритовые рудники не в счет.

Так что Боунг был для империи настоящим подарком судьбы, который следовало беречь как зеницу ока. Понятно стремление Чаг Рао Сина разобраться в причинах того, что с острова давно нет вестей. Конечно, экспедиция нужна.

Но как же не хотелось выходить в поход. Это, пожалуй, впервые за его морскую карьеру. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, принялся смотреть за бортом.

Воды Южного океана всегда удивляли Каирова.

Из всех явлений, связанных с ними, больше всего поражался непонятному свечению. Сначала возникали длинные волны света, шедшие почему-то всегда с запада на восток. Постепенно они превращались в длинные лучи, исходящие из неведомого центра где-то за горизонтом, и начинали вращаться – сперва медленно, потом все быстрее, как будто изгибаясь, подобно спицам в колесе нагруженной повозки. Световое действо длилось иногда по нескольку часов, а потом прекращалось.

Бывали и не столь впечатляющие зрелища – вращающиеся в глубине вод светящиеся колеса – сияющий обод и расходящиеся спицы, диаметром всего с полкабельтова.

Вот и сейчас одно такое «колесико», светящееся пурпурным цветом, наблюдалось в полукабельтове от правого борта.

Интересно, оно живое или это какое-то оптическое явление?

Внезапно что-то горячее обожгло щеку шарускара. Остро запахло испражнениями.

Тамерлан Ахмедович покосился на левое плечо. На золотом адмиральском погоне белел какой-то шарик. Недовольно вздев очи горе, Каиров заметил в небе стайку крупных птиц, напоминающих альбатросов.

Достал из кармана носовой платок и, смачно выматерившись, утерся.

Однако появление некультурных пернатых означало, что уже близко земля.

И впрямь через несколько мгновений сверху раздался громкий крик впередсмотрящего: – Прямо по курсу земля!

И сразу на смену ему пришел второй, оглушительный и полный ужаса:

– По левому борту! Смотрите!! Хозяйка Воли, смилуйся над нами!!!

Шарускар направил туда линзы своего бинокля и, пораженный до глубины души, замер. Так вот отчего ныло сердце.

Предчувствовало, вещая птаха...

Волна жути накатила на Каирова. Как тогда, много лет назад. Беспричинный ледяной ужас, перехвативший горло, и стук крови в висках...

Из океанских вод, поднимая огромные волны, один за другим стали появляться гигантские острые рифы бледно-серого студенистого цвета.

Все, что попадалось на их пути, было тут же сметено. Камнем пошел на дно замыкавший экспедиционный караван шестипушечный «Император Чаг Рао Син», государев тезка и любимец. На поверхности остались плавать несколько человек команды, но спустя считанные мгновения и они подались вслед за своим кораблем, угодив в воронку, образованную вращением большущего рифа.

Ибо никакие не камни это были, а щупальца исполинского *спрута*, с которым (или с одним из его сородичей?) уже как-то довелось повстречаться шарускару.

«Нельзя дважды обмануть судьбу», – пронеслось в голове у Каирова. Тварь, как уже понял Каиров, была сродни Ужасу Моря, хотя тот был намного крупнее, но был ли это детеныш кошмара здешних океанов или родственник – было не понять. Да и неважно, наверное...

Но вслух, схватив в руки изготовленный из большой раковины рупор, кавторанг командовал...

– Орудия – к бою!

Хотя, конечно, понимал, что тому, что поднимается из вод, его снаряды, как слону дробина.

Приказ командующего подхватили на всех оставшихся кораблях.

Пять посудин. Тридцать четыре пушки. Примерно по полсотне зарядов на каждую – около семисот. Да еще ручные гранаты (хотя по сути – глиняные горшки с фитилем). Надолго ли хватит этого снаряжения, если подмоги ждать неоткуда?

Но что тут думать, как говорится в земном анекдоте о прапорщике, тут трясти надо.

Когда из воды следом за щупальцами показался бледно-серый чешуйчатый холм, на вершине которого открылись глаза, жуткие и страшные, как и он сам, на чудище обрушился шквальный огонь.

Монстр, наверное, не ожидал ничего подобного. Вряд ли в тех местах, где он обитал, ему приходилось сталкиваться с артиллерией. Поэтому спрут застыл на месте, и впрямь превратившись в скалу. Размышлял, видать, если это создание способно было мыслить. Пара особенно метких выстрелов угодила прямо в бездонные глазищи. Чудище моргнуло, пустив очередную гигантскую волну. Вода вокруг живого острова из сине-сапфировой стала мутно-серой, во все стороны расплылось облако мерзкого цвета. А затем послышался жуткий *вой*.

Ни разу до этого не приходилось Тамерлану Ахмедовичу Каирову слышать ничего подобного. Звук напоминал одновременно шум ниспадающего водопада и грохот рушащихся от взрыва скал, завывание шквального ветра и бурлящее извержение лавины из недр вулкана.

Оглушенные адской какофонией люди, зажав уши, попадали на ходящие ходуном палубные доски. Обстрел спрута прекратился.

Тщетно зывали шарускар, кам-шарух и капитаны к своим командам. Моряки были не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. Не зря же говорили, что Ужас Бездны способен топить в пучине целые острова и лишать людей разума.

Спрут всплыл еще чуток, и из воды показался чудовищных размеров острый клюв. Монстр шумно втянул в себя воздух и распахнул пасть, показавшуюся Каирову бездонной пропастью.

Океан поколебался. Вода полилась в разверзнутый зев, попутно захватывая с собой все, что было на поверхности.

Скрежеща зубами от бессильной ярости, кавторанг наблюдал, как в эту жуткую бездну, словно малые рыбешки, один за другим свержаются корабли его флотилии. Его кровное детище.

Каиров зарыдал. Но предпринять что-либо был не в состоянии.

Вот пришел черед и «Хозяйки Воли». Адмиральский флагман устремился вниз в бездну – и тут огромные щупальца вцепились в корпус и потащили корабль к пасти.

– Русские умирают, но не сдаются! – выкрикнул природный азербайджанец Каиров и устремился к крюйт-камере.

«Только бы получилось, – билась в разгоряченном мозгу одна и та же мысль, – только бы получилось!»

Оказавшись в пороховой камере, адмирал трясущимися руками достал из кармана зажигалку и ударил по кремню. Жгут ни в какую не хотел загораться.

Раз, другой, третий.

Корабль сотрясло от сильного удара.

Вспыхнул и весело запылал огонек.

Тамерлан Ахмедович с диким хохотом швырнул зажигалку в ближайшую бочку с порохом, а затем запел:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»...

Последние слова песни оборвал мощный взрыв...

Аргуэрлайл. Западно-Эльгайский хребет

...Хотя ты можешь быть уже зрелым мужем по здешним меркам – двадцать седьмой год, хоть в руках у тебя оружие, какого в здешнем мире нет ни у кого, хоть ты не новичок в схватках, но когда чужая ночь смешивает воедино свист ветра в скалах и дальний вой пещерных гиен или еще каких явно хищных тварей... Когда при каждом шорохе рука стискивает магазин АК-74... Последний, между прочим, магазин...

Да, тогда поневоле пожалеешь, что соблазнился пайком солдата сил самообороны и не подался в свое время в Артмастерские или не женился на дочке соседа-лавочника – она *так* на тебя смотрела!

Но ведь нельзя выдать усталость и тоску ни жестом, ни вздохом, ибо рядом с тобой идет девушка, которую ты любишь и которая не ноет и не падает духом.

Кири, замедлив шаг, обернулась в его сторону.

– Все! Устала, больше не могу! – сообщила она на смеси всеобщего и недавно выученного русского. – И Луна скоро заходить. Пойдем дальше – свернуть обе свои шеи! И вообще, как говорил мой дядя, который шахрайт загрыз: «Ночью по горам ходить – в Нижний мир ходить».

Все правильно. Но что поделаешь, если нужно было как можно дальше уйти от разоренного врагами селения, оторваться от возможной погони и избежать встречи с похитителями людей? Но теперь им требуется и в самом деле перестать убегать и найти безопасное место, чтобы приткнуться до рассвета.

Хорошо бы выискать уютную пещерку, поросшую мохом, куда можно натаскать веток, на которые ляжет плащ девушки. А потом можно будет окликнуть Кири... Нет, лучше не окликать. Лучше будет молча подойти, положить руки на плечи, повернуть к себе лицом, припасть губами к губам...

Резкий толчок в плечо вырвал его из сладостной мечты.

– Не шевелись! – прошипела девчонка прямо в ухо. – Там впереди – нехорошее.

Минут пять он всматривался из-за кустов в ночной мрак, прежде чем в лунном свете смог рассмотреть человека, сидящего на корточках у каменной груды. Ага, не просто сидящего, а разжигающего ударами кресала маленький костерок в нише, словно в печурке. Становится, кстати, видно, что камни эти не простые – плоская плита, положенная на четыре валуна, и два отдельно стоящих высоких острых обломка, ребристыми гранями отражающие лунный свет. Кажется, похожие камни в его мире называли кромлехами.

Вот между ними и полыхает костер, куда незнакомец что-то сыплет, отчего пламя становится неприятно зеленоватым. Видимо, творит какой-то обряд в честь одного из сонма богов, каким молятся в мире, куда занесла землян уже скоро как восемь лет лихая судьба и приказ...

Спутница судорожно сжала запястье солдата. Осторожно повернувшись, он встретил расширившиеся глаза, в которых отражался страх. Да она, кажется, расплачется сейчас! Неутраченная и отважная охотница испугана!

Один человек жжет костерок – что тут особенного? Сдались ей эти боги и черты? Но если Кири страшно – это очень, очень серьезно!

А вокруг ведь и в самом деле происходит что-то не то. Свет ущербной Луны как-то сгустился, стал тягучим, налился зеленью и странно мерцает в такт ударам крови в висках.

Нет, конечно, примерещилось...

А вот это... это уже не мерещится!

Из-за кустов появляются и медленно, беззвучно начинают скользить вокруг камня с языком пламени между двумя столбами и неподвижно сидящим человеком – молчаливые фигуры в темных плащах с низко надвинутыми капюшонами. Они движутся нарочито неспешно, кружась в хороводе, не останавливаются ни на миг, но и не убыстряют шаг. Танцуют? Молятся неведомым богам? Заклинают каких-то демонов? Занимаются непонятным чародейством?

Кири осторожно прикоснулась к плечу. Глаза ее расширены, белки блестят. Как бы не увидели «черные»...

Эта мысль тут же исчезает: одна из фигур, не нарушая общего ритма движения, направляется к кустам, где укрылись беглецы.

Быстрый взгляд на Кири – та держится молодцом, хотя глаза расширены в неподдельном ужасе.

Она что-то прошептала. Что – Смагин не разобрал, но ему показалось, она поняла, что это за типы. И они явно не нравились его женщине, а в этом мире за такое и убить не грех.

То ли шепот Кири выдал их, то ли ночные колдуны почуяли чужаков, но коловращение мертвого танца остановилось.

– Хаар-хайраррын-гур!!! – выкрикнул с ненавистью и отвращением старший из них – широкоплечий, крупноголовый, с лохмами волос, ниспадавших на плечи.

Он единственный из всех был не в капюшоне и воздел руки к черным небесам. Как показалось Анатолию, вокруг его кистей промелькнул сиреневый отсвет...

– Паргу-уум! – взвыли остальные.

Язык был незнаком солдату – даже похожего слышать не доводилось. Но и без перевода было понятно – ночные гости явно недовольны появлением чужаков в месте их поклонения и твердо намерены покарать святотатцев.

Как по команде рассыпанные в замершем хороводе люди выстроились в шеренгу, в руках появились короткие широкие кинжалы.

С промелькнувшим облегчением боец обнаружил, что врагов меньше, чем казалось, – всего полдюжины или около того.

Как ни странно, Анатолий не испугался. Вернее, почти не испугался. Как-никак он был солдатом! И сейчас спокойно и быстро прикидывал их шансы.

То, что это маги или кто-то вроде того, понятно. Но маги обычно не творят свои заклятия тайно и толпой! Жрецы или шаманы? Это, пожалуй, ближе к истине.

Если шаманы – скверно. От этих можно ждать любой неприятной неожиданности...

– Выходить! – высоким, как у кастрата, голосом заорал старший на ломаном всеобщем, приказывая нарушителям чистоты обряда покинуть убежище.

От Смагина не укрылось, что противники двигаются как-то слегка заторможенно и выглядят вообще не лучшим образом. Вероятно, прерванный ритуал забрал у них немало сил, а может, они вообще пока что до конца не сообразят, на каком свете находятся.

– Выходить! – вновь проверещал главарь «чернобалахонников».

Их противники толком не знали, с кем имеют дело. Да какая разница? У них превосходство и численное и (парень кинул взгляд на продолжавшего бесноваться главаря и двух ближайших к нему людей – те знакомо сложили ладони домиком) магическое...

Однако на рожон не лезут. Сам бы он, наверное, уже приказал обшарить заросли и вывлоочь наружу нагнецов. Но вот сейчас ему-то торопиться не след. У него в рожке осталось всего четырнадцать патронов.

Ага, главарь, похоже, думал точно так же. Повинуясь его жесту, трое медленно двинулись в их сторону. Ждать больше смысла не имело.

Вскинув автомат, Анатолий нажал на спуск, поведя стволом слева направо.

Главарь и оба его ближайших помощника рухнули, отброшенные назад, на камни.

В последний момент Смагин успел убрать палец со спускового крючка, рассчитывая сбегать хоть один-два выстрела на самый крайний случай, и одновременно метнулся влево, распластаваясь на каменистой земле.

В то же время девушка выпустила во врага с дикой скоростью три стрелы, но то ли не сумела прицелиться при лунном свете, то ли неведомая сила хранила чужаков – лишь одна вскользь зацепила бедро того, что слева.

Прогалину огласил бешеный вопль страха и ярости. Но как ни были напуганы их противники земным оружием, в бегство они не обратились.

И не стали мешкать с ответом.

Отчего-то Анатолий почувствовал, куда будет направлен их удар. Тем самым чувством, шестым или еще каким, которым и без всякой магии (или не без нее, кто ж знает) опытный воин чувствует взгляд целящегося в тебя врага, неважно, поверх ли тетивы или автоматного ствола. Каким охотник чувствует зверя, только начавшего подкрадываться к двуногому врагу.

– Кири, берегись! – выкрикнул он, и охотница метнулась влево, перекатившись по колючей траве.

Мимо землянина пронеслось нечто невидимое, но осязаемое, похожее на порыв ледяного ветра, почему-то пахнущего химией.

Ударил он точно туда, где только что находилась его спутница, и от этого порыва ветви опали на глазах хрупким прахом. Какая-то особо злая магия.

И моля Бога, чтоб чутье не подвело, землянин, направив ствол на чародея, надавил спусковой крючок.

Чутье не подкачало – две последние пули нашли цель.

Отныне им предстояло драться врукопашную – двум против четверых.

Девушка между тем, ловко перекатившись в сторону, ринулась в заросли, в спасительную тьму.

Яростно завопив, один из уцелевших головорезов кинулся за ней.

В следующее мгновение Кири развернулась на месте, вскидывая руку.

Над полянкой сверкнула бледная молния, и незнакомец стал медленно заваливаться назад. Из его глазницы торчала рукоять ножа девчонки. Уклонившись от брошенного копья, девушка подняла лук и выпустила две стрелы, правда, попала в цель лишь одна из них.

Кто-то из чужаков, выкрикнув что-то неразборчиво-гневное, резко развернулся к охотнице.

«Пора действовать!» – приказал Смагину внутренний голос.

Три длинных прыжка в сторону врага, и одним слитным движением Толя ударил на лету штык-ножом в бок «чернобалахоннику». Тот попытался развернуться, его тело не хочет умирать, в нем еще есть силы, он еще может выжить, он должен жить для повелителя... Он отмахнулся кинжалом, но парень изогнулся, уклоняясь от клинка, и ударил второй раз.

Предостерегающий крик Кири, и боец уже разворачивается в сторону последнего нападающего – тот уже совсем рядом. Тычок кинжалом... Боль обожгла грудь, но в этот же момент Анатолий, изловчившись, перехватил автомат и ударил прикладом в челюсть нападавшему. Тот закричал, завыл, как зверь, роняя клинок, и выл еще несколько секунд, пока солдат двумя бешеными ударами не размозжил ему голову.

И лишь потом опустился на землю.

Кири, с трудом переставляя ноги, подошла к нему.

– Толь'яа, – зачем-то спросила она, – ты живой или нет?

– Вроде живой, – сообщил он.

Навалилась боль в старых ранах и усталость – и не было сил радоваться ни победе, ни даже тому, что кинжал последнего врага скользнул по солдатскому жетону, лишь чуть-чуть просадив его...

Потом он тяжело поднялся, опираясь на оружие.

Наскоро проверил трупы.

Двое «чернобалахонников» еще подавали признаки жизни, и их пришлось добить ударами по голове. Без особого желания, но и без особого сомнения – мстители за спиной ни ему, ни Кири не нужны.

Девушка смотрела на его работу и на трупы с внешним спокойствием, но безумные остановившиеся глаза и неподвижное, будто каменное, лицо говорили, насколько она потрясена.

Затем вернулась к поверженному ею жрецу или колдуну и выдернула свой клинок из его глаза. Обтерла его об одежду убитого.

– Толь'я, – позвала она его вдруг. – Подойди, посмотри...

Анатолий присмотрелся.

В руке мертвец держал непонятное украшение – цепь тонкой работы из серебристого металла.

Смагин наклонился – и цепочка словно сама прыгнула ему в руку.

Первым желанием было стряхнуть непонятную фигню, которую он зачем-то взял вопреки инструкциям по магической безопасности, вбитым еще в ходе операции «Порог».

Но потом... Потом пришла непонятная уверенность, что ее стоит оставить при себе, а дома показать знающим людям.

Он обмотал ее вокруг запястья и лишь затем поднес к глазам.

На змейке из толстых грубых колец бледного золота – потемневший серебряный семиугольник с дыркой посередине. На пластинке – еле различимая вязь странных знаков. Возле каждого – маленький черный камешек с неприятным отблеском.

Спрятал украшение в вещмешок.

Девчонка ойкнула, но спорить не стала. В здешнем патриархальном мире, будь ты какой угодно храброй да воинственной, мужчине особо возражать не принято.

Ладно, с добычей потом, пора отсюда выбираться.

И словно по волшебству отступили куда-то усталость, боль и страх – ведь они живы, и неведомое зло не коснулось их.

Двинулись прочь от каменной пирамидки, которая, как могла бы рассказать Кири, называется тут – Моленной Первых. Но ей было не до того.

Ничего не случилось в мире.

Не побаговела, налившись кровью, Луна, не дрогнули корни гор, не повеяло мертвецким ветром из-за края мира. Просто замкнулось еще одно звено в цепи давнего, почти забытого всеми, кроме горстки посвященных, пророчества, в котором были «Люди не Отсюда», «Слуги Давнего, дети Старого», «Летучий Огонь» и еще многое другое. В том числе и одна строфа, что наверняка заинтересовала бы некоего амбициозного кочевого владыку, как раз готовившегося стронуть свои конные армии в поход против мира:

Он погребен в нефритовом гробу,
В степи пустой.
Где грезит падалью шакал,
И навсегда забудут путь к нему,
Чтоб скверны смрад людской
Сон Мертвеца не осквернял...

Долина озера Гримсаар

Еще не стояли окончательно снега, не просохли степные дороги и тропы, а со всех, даже самых отдаленных окраин внезапно возникшей державы шаркаанов в сторону заката двинулись войска, должны выступить на войну с несговорчивыми жителями Южного предела и их союзниками. На холмистых равнинах у озера Гримсаар взвились к небесам тысячи костров, вокруг которых скапливались воины множества племен.

Здесь были все: болтливые андары, быстроконные гурасы, угрюмые карпетаги, могучие кряжистые кайергасы и храбрые до безумия двирсы. Но не одни степняки со всех окраин Великого Окоема вливались в войско повелителя шаркаанов. Немало пришло и горцев, прибывших не только для того, чтобы заработать золота и пограбить, но и для того, чтобы потешить своих кровожадных богов, о которых чужакам не говорят...

Их было не так много, хотя и немало. Правда, эти дикие и неукротимые в своей ярости воители были объединены во множество отрядов самой разной численности и не признавали над собой никакого начальства, кроме своих вождей, ну а тем лишь сам Ундораргир имел право отдавать приказы.

Кроме них были еще кое-кто – поклонники Подземного Хана – маги и шаманы...

Всего должно было собрать двадцать туменов, в каждом из которых по сто сотен, а с учетом того, что в местной сотне могло быть и полсотни и по полтора человека, то численность противостоящего миру войска могла дойти до двухсот тысяч сабель и пик.

Небывалая рать, какой уже давно не выставляла Степь, грозная и несокрушимая, готовая по слову Владыки Окоема смести с лица земли его врагов.

Однако даже величайшие государи должны подчиняться законам, установленным самой жизнью.

Второй весенний месяц подходил к концу, а войско шаркаанов все никак не могло стронуться с места. Дрожала земля под копытами тысяч лошадей, и скрипели хорошо смазанными осями арбы обозов, собирались сотни к сотням, а тысячи к тысячам в тумены. А поход все откладывался. Ибо незаметно, но неуклонно вступало в силу то, про что не слышали даже пришельцы из-за грани миров, ибо ко времени, когда они угодили на Аргуэрлайл, до заумного словосочетания «транспортная теорема» еще не додумались умники в штабах и исследовательских центрах. И согласно этому возможности любой армии определялись не только числом пик и сабель (или танков, если на то пошло). В дело вступали сложные формулы, где переменными выступали: пропускная способность дорог, грузоподъемность повозок, скорость марша и передачи информации (то есть, проще говоря, скорость гонцов или ручных кречетов, переносящих послания).

А в этом мире свою роль играли размеры пастбищ для табунов и отар овец. Ибо каждой сотне на день требуется три барана или один конь для пропитания. На войне, само собой, дело решается проще – обычно всадников всегда меньше, чем коней. А как быть войску, лишь собирающемуся в поход? Этак можно и всех коней поест, пока готовишься к войне. И как тогда воевать? Головоломка, однако.

Поэтому в ставке Ундораргира седоусые тысячники и темники день и ночь пребывали в раздумьях, как лучше разместить и собрать войско для надвигающейся войны?

С помощью камешков, счетных шнурков, веточек (грамоте если и разумел кто из них, то не показывал – не дело воину пером скрипеть) вычисляли они дни марша от одной долины до другой, до боли в висках соотнося скорость идущего одвуконь воина со скоростью перегонки овечьих стад с яйл [*Яйла* – летнее горное пастбище.] и движения караванов с зерном.

Все это нужно было свести воедино, учесть, не ошибиться, чтобы не падали кони от бескормицы в вытоптанной степи и не подводило животы у воинов, потому что бараны и ячмень для котлов оказались где-нибудь в трех дневных переходах севернее.

Сверху – не с самолета даже, а пожалуй, что уже и с орбиты, это выглядело бы как сползающиеся по сходящимся направлениям стаи мелких насекомых.

Соприкасаясь друг с другом только флангами, раскидав во все стороны дозоры и ертоулов, [*Ертоул* – мобильное элитное воинское формирование.] двигались они на запад. И горе тысячнику или пятисотнику, если его отряд не доходил до условленной стоянки, или выяснялось, что его воины разминутись со своим ужином.

Все было готово к этой войне, каждый темник знал, куда ему двигаться, каждое место ночной стоянки было намечено заранее, но нередко случалось, что источники и колодцы иссякали, а караваны застревали в песках.

Уже трижды приходилось владыке приостанавливать движение войска, слишком растянувшегося на марше, дожидаясь отстающих. Пришлось даже вопреки первоначальному плану ослабить все три большие орды и перегруппировать силы.

Все отставшие и не сумевшие нагнать орду отряды получили приказ не загонять коней, а идти к Трехречью, где старый хан Аглай, тесть Ундораргира по первой, уже покойной жене, должен будет сколотить из них резервную армию. Решение это, впрочем, не помешало Ундораргиру распорядиться посадить на кол трех тысячников, у которых наблюдался самый большой падеж коней и людей. Их судьбу разделил и темник Руфиддос из беглых имперцев. Тот слишком увлекался винопитием и развратом, пренебрегая службой.

Но движение армий продолжалось...

С востока шли пять туменов северных всадников под началом девятибунчужного хана Ранто, повелителя народа эльвенгаров. Им было назначено разорить и предать огню и мечу непокорные кочевья тех племен и родов южной и восточной части Степи, что отвергли власть Владыки Окоема. В свое время шаркааны точно так же придушили и их самих, но теперь северяне думали лишь о том, какую славную добычу возьмут в походе.

С дальнего юга шли племена пустынных кочевников. Этих Ундораргир пока не завоевал (да и не идиот же он – губить конницу в песчаных сухих степях Алхасса и Нории-Нури?). Но сумел, однако, призвать на службу, пообещав отдать во владение верблюжатникам богатые западные земли.

Об этом мало кто знал, но сумел он обуздать диких и темных варваров при помощи жрецов Подземного. И уж подавно никто не догадывался, что Ундораргир не собирается выполнять обещание – дикарей планировалось попросту уложить в боях, благо те и сами почитали смерть в схватке великой честью для мужчины.

Руководил ими бывший офицер гвардии Сарнагарасахала Астиаг Эрауги, который после краха державы Идущего по Звездам бежал со службы и вскоре стал вождем своего племени.

И, наконец, самая большая армия, под началом лично Ундораргира и его правой руки, косоглазого «пса-убийцы», как его звали за спиной и шепотом, Рамги, шла прямо и неуклонно в сторону имперских пределов.

Это многих удивляло. Неужто владыка решил оставить в тылу этих странных чужинцев с их жутким оружием? Но никто не осмеливался задать вопрос, а сам повелитель шаркаанов отмалчивался.

Шли отборные тумены из лучших воинов подвластных племен. Шла личная гвардия – десять тысяч всадников, те, кто был с ним с самого начала, и те, кто был обязан ему всем. От освобожденных рабов до получивших приют кровников. Шли отряды, вооруженные этим новым дальнобойным оружием, секрет которого не то украли у все тех же чужинцев, не то подсказали темные духи (как украдкой шептались у костров). И его было немало.

На крепких низкорослых лошадаках ехали стрелки отдельных тысяч «Огненосных», положив перед собой на седельную луку длинноствольные дудуты, стрелявшие в пять раз дальше, чем обычный лук. И тащились позади них шестерки верблюдов с огромными коромыслами на

спинах – к ним были подвешены литые медные и чугунные тела граххаров, извергавших по полпуда картечи за один выстрел.

Повелитель шаркаанов не стал повторять ошибок военачальников бесконечно далекой Земли и волочить пушки в обозе.

Впрочем, обоз тоже имелся, и в нем, на железных деталях и тщательно смазанных салом толстых тетивах, свернутых в бухты и упрятанных в просмоленные бурдюки, ехали кузнецы и плотники – мастера обычных осадных машин. Ундораргир не пренебрегал ничем из выдуманного для войны. Иные умельцы носили рабские клейма и шрамы от плетей на спинах – их собирали везде, где можно. (Хотя и среди обычных воинов вчерашних рабов хватало.) Отдельно ехали знатоки изготовления огненных зелий. До шривиджайских наффатинов и имперских сифонщиков им было пока далеко, но зато их было много.

Маги тоже присутствовали, и не только жрецы-колдуны Подземного Хана, что двигались отдельным отрядом и, становясь на ночевку, выбирали место подальше от основного лагеря. Они привлекали больше всего внимания – их отдельный, двигавшийся слегка наосообицу обоз из длинных крытых повозок заставлял всех прочих шаркаанов суеверно вздрагивать и бормотать заклятия против зла. Ибо никто не мог припомнить, чтобы слуги Подземного собирались в одном месте в таком количестве. А их надменный бесстрастный вид поневоле заставлял вспомнить слухи, что-де не совсем они и люди, а занявшие человеческие тела демоны мрака.

Были тут и рядовые шаманы племен, и вольные маги, но те были приданы сотням и тысячам и не так бросались в глаза.

Разве что среди них особо выделялись бестиаристы – знатоки работы с неразумными тварями и нетварями. И здесь Ундораргир тоже удивил врагов и союзников. Нетварей было не так много, хотя со времен падения царства Шеонакаллу никто не собирал столь больших стай.

Но вместе с ними вели и обычное зверье.

Лохматых, злобно фыркающих уникорнов из северных степей. Сколько пытались их приручить, да все без толку. Лишь шаркаанам это каким-то образом удалось. Правда, на всякий случай их ноги были спутаны цепями.

Здоровенных, выше любого коня, диких кабанов из болотистой тайги Аррагата с клыками в полметра и панцирем из слипшейся от многолетней грязи щетины, которую не всегда берут и рогатины охотников, и даже пики панцирной кавалерии. Этим чудищам, закованным в дубовые колодки наподобие ярма, рабы на стоянках рвали охапки травы, стаскивали объедки, оставшиеся от войска (хоть и немного их оставалось), и собирали навоз, благо его хватало. Луженые утробы исполинских свиней поглощали все. Старые воины с некоторым сомнением взирали на жутковатых созданий, чей «пяточок» был размером с приличных размеров блюдо. Мол, скотина, она и есть скотина. Но большинство лишь пожимало плечами: повелитель знает, что делает.

И, наконец, одни из самых жутких созданий, известных в Аргуэрлайле, гориллоподобные кес-ург, которых в имперских землях иногда называли троллями.

За время операции «Порог» ни один из них не попался на глаза советским солдатам и ученым, а все рассказы о них были сочтены обычными баснями темных людей про нечисть да чудовищ, что обитают на краю земли. Жителям же Октябрьска было тем более не до того. И вот теперь они рисковали на своей шкуре убедиться, что воистину «и небывалое бывает».

Вообще-то эти здоровенные обезьяны ростом в три с половиной, а то и четыре метра и весом в полтонны были достаточно миролюбивыми травоядными созданиями, и знай себе паслись в поросших бамбуком долинах исполинского нагорья Фан-Танг, иногда прибавляя к своей пище дикие фрукты. Несмотря на устрашающий вид, огромные зубы и уродливый череп с гребнем (он служил креплением могучих жевательных мышц), и на то, что, даже стоя на четвереньках, они были выше на голову рослого воина, создания предпочитали убегать от охот-

ников, а не драться. Но уж если такая вот образина придет в ярость, то помогай боги и предки тому, кто окажется на ее пути.

И мастера звериной магии нашли способ превращать флегматичных вегетарианцев в машины для убийства. Смесь трав, вымоченных в вине, и пара заклятий – и кес-урги, облаченные в роговые доспехи и вооруженные дубинами, врываются во вражеские боевые порядки, сея смерть, и легко забирались на крепостные стены, буквально сметая с них защитников, если те не бежали прочь в панике, завидев «демонов», к тому же на редкость смрадных и воняющих, как могла бы вонять выгребная яма в аду.

Пока же монстры спокойно сидели в клетках на прочных цепях, уныло пережевывая траву и сушеный изюм, которые им подносили служители с лицами, замотанными вымоченными в ароматной воде тряпками, да время от времени принимаясь жалобно реветь.

И когда ветер доносил до степняков этот рев или удушливую вонь от клеток, они, люди нетрусливые и мывшиеся обычно хорошо, если пару раз в год, непроизвольно вздрагивали.

Так или иначе, медленнее или быстрее, но несметные полчища шли на закат, и каждый воин, сидящий ночью у костра, грезил о славе, богатстве и пылающих вражеских городах, стараясь не думать о том, что упадет из седла с разбитым черепом или пронзенным стрелой сердцем. Что умрет, трясаясь в лихорадке от загнившей раны, или будет запытан вражескими дозорными. Они видели силу шаркаанов (некоторые даже почуяли на своей шкуре) и полагали, что в мире этом, пожалуй, никто не сможет собрать подобную армию. Что им могли противопоставить западные и южные земли? От века было так: сильный побеждал, а удел слабых – покориться или сгинуть.

Большая платформа с огромным шелковым шатром на ней, влекомая полутора десятками здоровенных матерых ящеров, на спины которых она была водружена, медленно продвигалась вдоль военного лагеря.

Шатер мог бы вместить сотню человек, да еще на платформе оставалось место для полусотни стражей, ежедневно отбираемых по жребию из числа гвардии. Еще столько же гарцевали поодаль.

Мало кто бывал внутри этого передвижного дворца Ундораргира, и рассказывали про него всякое.

Говорили, что внутри все в золоте и драгоценных камнях. Другие, что на стенах развешано оружие всех, кого владыка сразил в поединках, и его видимо-невидимо. Третьи – что там есть большой сундук, в котором хранятся древние идола сгинувших племен, найденные в курганах. Великий воин и правитель время от времени разговаривает со своими богами, и те отвечают ему, ибо не осталось народов и племен, им молившихся, и некому им больше помогать.

А еще в особо темные ночи у костров, когда тьма кажется особо непроглядной, а в степном ветре слышатся чьи-то невнятные голоса, говорили и иное. Что внутри этого шатра стоит шатер поменьше. А в нем на деревянном поставце, покрытом запретными знаками, от которых ослепли один за другим три вырезавших их резчика, рядами стоят чаши из черепов побежденных им военачальников и королей с ханами. И, мол, с помощью черной магии хан подчинил их души, и теперь те дают ему советы по части правления и войны, когда он пьет из этих чаш волшебный отвар, сваренный придворными некромантами.

Ундораргир, когда ему донесли о таких разговорах, лишь пожал плечами. Зачем бы ему были советы от проигравших и неудачников?

Шатер был разгорожен на отдельные комнаты коврами и гобеленами, но сейчас в них не было никого, кроме вождя и пары писцов, да еще несколько прислужников. Здесь царил приятный полумрак, нарушаемый лишь тлеющими угольками «холодного огня» да ярким светом имперских лампионов.

С первого взгляда было ясно, что хозяин шатра чужд чрезмерной роскоши. Даже походный трон имел вид простой резной лавки, застеленной атласными подушками. Оружия на стенах тоже не висело – тем более что лишнее оружие в месте обитания вождя – лишний шанс для заговорщика или мстителя-одиночки. А наставники Ундораргира упорно учили его: истинный воин не дает врагу ни одного шанса.

В данный момент Владыка Окоема не расспрашивал духов побежденных и не молился неведомым богам. Он сидел на троне и отдыхал.

На нем был шелковый чапан лазоревого цвета и бархатные сапоги. Перед ним стояла на коленях облаченная лишь в легкое полупрозрачное покрывало красивая рыжеволосая девушка. Она держала на вытянутых руках золотое блюдо, на котором лежали плоды граната. По старому этикету так наложница подавала знак, что готова со всем старанием и страстью исполнить желания господина.

Но Ундораргир раздумывал.

Взяв гранат с подноса, он принялся его очищать от кожуры. На блюде лежал небольшой серебряный ножик для фруктов, но степняк сдирал жесткую шкуру плода пальцами – он не какой-то там изнеженный городской царек.

Выковыряв несколько рубиново-алых зерен, закинул их себе в рот. Схожий с кровью сок брызнул на тщательно выбритый подбородок.

Про владыку говорили, что бороду и даже кое-что еще он пожертвовал тьме. Также молвили, будто он дал обет не отращивать бороды, пока не победит всех врагов. Третьи... Как же глупые людишки горазды выдумывать! Ведь скажи, что он просто привык убирать растительность с лица за те два года, что жил в Каймаргене в изгнании, где бородачи считались никчемными неряхами, ведь не поверят. Еще какую-нибудь страшную тайну выдумают.

Девушка чуть слышно вздохнула, но Ундораргир вновь проигнорировал ее намеки. Вместо этого он подошел к стене и отдернул занавесь, за которой оказался небольшой проем. Он устремил свой взор на окрестные холмы и долину небольшой степной речушки, где стали на двухдневный отдых главные силы армии шаркаанов.

И тут на лицо владыки набежала тень. Неподалеку он заметил стайку облаченных в черные балахоны безоружных людей, ходивших среди воинов его армии без всякой охраны.

Прошло десять лет с тех пор, как он, юный изгой, встретил такого вот колдуна в степи, и тот согласился помочь, при этом не потребовав платы.

Пожав плечами, продолжил поедать гранат...

– Мой господин, – обратился появившийся у входа в шатер старший евнух, – к вам был сам могущественный Ахатанг...

– Знаю... проси его...

Ундораргир напустил на себя самый жизнерадостный вид, хотя совсем не был рад встрече с верховным жрецом.

Да и вообще, откуда он взялся? Старшие жрецы же вроде остались на зимних кочевьях.

Передвижная платформа на некоторое время притормозила ход, и воины втащили пришедших на приспущенный трап.

Вскоре в шатер вошел сухопарый старик в расшитом каббалистическими знаками халате и низко поклонился.

– Приветствую тебя, Повелитель Окоема. Не помешал ли я твоему уединению?

Ундораргир внимательно вглядывался в бесстрастное лицо члена Невидимого Круга Нижайших слуг Подземного Хана, главы его жрецов, Ахатанга Игдриза Наоно. Они нечасто встречались – Владыка Окоема предпочитал общаться с Верховным колдуном.

Простые люди больше опасались магов и шаманов, служащих Подземному. Но Ундораргир знал, что и жрецов, обычно не бросающихся в глаза, сбрасывать со счетов тоже не следует.

Ибо именно жрецы владели истинной силой своего бога и даже якобы могли получать от него указания.

Движение руки, и наложница, как была на коленях, торопливо убралась за занавес.

Спокойно и неспешно поклонившись второй раз, Ахатанг подогнул под себя ноги и присел у ног Ундораргира.

– Не ожидал тебя здесь встретить, благородный и премудрый, – ответил хан, выдержав должную паузу и не упустив случая посмотреть на жреца сверху вниз. – Если бы я знал о твоём визите, то дал бы тебе и твоим людям лучшие места в караване...

А про себя подумал, что дозорная служба ведется из рук вон плохо. Никто его не предупредил о появлении этих воронов.

– Что тебя и твоих людей привело сюда? – осведомился он доброжелательно и вместе с тем властно.

– Ну... мы всегда там, куда нас призывает наше служение... – ответил жрец со смирением. – Что до удобств, то это не самое главное. Уведомляю тебя, повелитель Ундораргир, что мы пришли просить о помощи. Нам нужна тысяча человек.

– Зачем вам столько воинов? – удивился вождь. – Вы собираетесь куда-то в дальний поход?

– Нужны не воины, хотя ты можешь послать и их, тех, о ком не будешь плакать, если они не вернуться. Скажем, из неблагонадежных родов...

Ундораргир инстинктивно сжал кулак. Об этом уже шепчутся у костров. Вот, значит, как. Этим требуется еще одно жертвоприношение. За последние полгода – уже в третий раз! И каждый раз все больше. Этак они его без подданных оставят!

– Государь, ты же хочешь победить? – словно прочтя его мысли, справился жрец. – А это потребует Его помощи... И сейчас и после...

– Надо полагать, ты хотел бы получить и пленных, достойнейший? – как ни в чем не бывало ухмыльнулся Владыка Окоема.

– Да, ты мудр и прозорлив, – также улыбнулся в ответ жрец.

И не знавший страха вождь туменов ощутил вдруг непонятный холодок у сердца. И одновременно желание выхватить тяжелый клинок, выкованный в дальнем Кар-Аззге, рубящий на лету платок, и располовинить проклятого чернокнижника.

Как бы в ответ души его коснулось *нечто*. Или лишь тень нечто...

Смертельным холодом на кратчайший миг повеяло от невысокой согбенной фигуры жреца и мага.

– А разве не ты возглавишь жрецов, идущих с армией? Разве тебя не будет со мной рядом, чтобы помочь и дать мудрый совет? – спросил Ундораргир, погасив порыв.

– Нет, жрецами будет руководить мой помощник Ревис Сар. Мне же придется остаться. Мой и твой бог призывает меня... Кстати, когда вы приблизитесь к границам нечестивцев, то мы пришлем еще жрецов и служителей нашего бога.

– Вот как, и сколько? – Владыка забыл о своих чувствах.

Магическая помощь – это серьезно.

– Двести восемьдесят старших служителей окажут тебе поддержку, Ундораргир, не считая учеников...

– Так много? – удивился повелитель шаркаанов. Насколько он помнил, на каждого из жрецов-колдунов приходилось по десятку учеников.

– Этого мало! – Жрец угрюмо сдвинул брови. – Но другого выхода, кроме как послать всех, кого можем, нет. Нам предстоит поставить все эти народцы на колени. Среди наших врагов много магов. Мы постараемся их связать своей силой, но остальное сделаешь ты, властелин. Смети их города с лица мира, возвысь нашего бога, напои его кровью пленных! Разве ты

не мечтал о власти над миром, о повелитель Ундораргир? Так пойд и возьми ее! – выкрикнул, хрипло клекоча, Ахатанг.

Через пять минут он сошел по лестницам, спускавшимся с платформы. Бесстрастное лицо Ахатанга не выражало ничего, но внутри он зло и высокомерно хохотал.

Вопреки всем легендам, слуги Подземного не умели читать мысли. Но не нужно владеть этим давно утраченным искусством древних времен, чтобы знать содержимое черепа этого хозяина мелкого кочевья, возвышенного ими до сана Владыки Окоема.

Тот уже, видимо, начал тяготиться опекой союзников, хотя они не требовали у него ни первородного сына в жертву своему Господину, ни несметных сокровищ, и даже не докучали ему советами, как управлять державой, что хозяева тронов ненавидят особо яростно, какими бы мудрыми и правильными ни были советы. Ну что ж, если он слишком много о себе возмнит, его место займет другой...

Но как же глупы людишки!

Иногда жрец жалел, что нельзя использовать для задуманного кого-то из *зиелмян*. Тем он даже откровенно завидовал, ибо их разум был изощрен и развит, и любой из них буквально с детства понимал то, до чего сам Ахатанг доходил после многих лет учебы и размышлений. Но, увы... это невозможно. И не потому, что среди них не удалось бы найти желающих предать своего князя и своих товарищей. Уже нашлись.

И уж тем более не потому, что жители Аргуэрлайла не приняли бы власти чужеродца. Приняли бы как миленькие. После пары знамений и древних предсказаний, которые бы вдруг все вспомнили. Просто даже самый развращенный и жестокий из пришельцев слишком мягок, слаб и добр для того, чтобы занять трон владыки этого мира. И, может быть, не только этого...

После разговора со жрецом настроение Ундораргира вдруг испортилось, и он, не зная, на ком сорвать злость, с силой запустил в высунувшуюся из-за занавески наложницу недоеденный гранат. Та, взвизгнув, упала на ковер.

– Мой повелитель? – Рядом с плечом Ундораргира возник старший евнух. – Вы чем-то недовольны?

– Уберите эту... – Степняк кивком указал на женщину, – мне она не нравится...

– Казнить? – угодливо спросил евнух.

– Сдурел?! – рявкнул владыка. – Добро переводить! Отдай кому из воинов отличившихся. Или в обоз, погонщикам на радость, или там шурпу варить. А то избаловались, понимаешь.

– Истинно, господин! Будет сделано! – склонился в подобострастном поклоне начальник гарема и дал знак охранникам, двум дюжим скопцам в золоченых кожаных доспехах.

Стражники подхватили побледневшую рабыню под руки и выволокли ее из шатра, а Ундораргир еще долго сидел, глубоко задумавшись.

Октябрьск/Тхан – Такх

«Вот и еще один день прошел», – ощущая мутную тоску, подумал Макеев.

Еще один день прошел в напряженных и бессмысленных хлопотах, напоминающих суету муравьев, отстраивающих разворошенный муравейник накануне потопа.

С балкона дворца была видна длинная колонна повозок, уходящая в ворота Октябрьска.

Люди торопились уйти от будущей войны, скорей достигнуть спасительной границы, но двигались все же чрезвычайно медленно. Что тут сделаешь, если большинство беженцев женщины и дети, а мужчины если и есть, то или раненые, или вообще не бойцы.

Беженцы прибывают и убывают.

Ух, вроде бы и без дела не сидел, а ничего толком и не сделано. С самого утра князь отправился за город, инспектировать конские табуны кавалерийских частей Октябрьска. Особого прока от них он не ждал, но нужно было куда-то деть беглых кочевников.

Увиденным он остался доволен. Смотритель Косяков – именно так должность заведующего конским составом местных армий и называлась в этих краях (Макеев решил не нарушать традиций), подошел к делу ответственно и присматривал за четвероногими воинами как за своими детьми.

В полдень Макеев вернулся в город, посетил тренировки ополченцев, даже сам помахал клинком.

Сегодня на учебной площадке было народу немного – человек двадцать. Кто-то рубился на затупленных мечах, кто-то тренировался в обращении с боевым бичом. Кто-то обучался парным и групповым схваткам, когда двое пытались прижать к стене третьего, который отмахивался от них тренировочным копьём без боевого железного наконечника.

С полдюжины подростков под началом седобородого воина метали дротики-джериды в старый щит, на котором была грубо намалевана углем голова в шаркаанской рогатой шапке. Градоначальник сидел на возвышении в углу двора и хмурил брови. Не потому, что воины не выказывали сноровки или старания. Просто уж очень далеко отсюда были сейчас его мысли.

Там, откуда надвигалась неумолимая война, грозящая стать последней (не для этого мира, конечно, а для них). Там, где сейчас пылили по степному простору сонмы всадников, должны выступить на войну с теми, кто не покорился грозным приказам, принесенным посланцами Ундораргира. Тысячи и тысячи вооружались, садились на коней и под предводительством сотников и темников пускались в путь. От этих мечами не отмашешься.

Прямо скажем, шансов выстоять у них немного, но сдаваться он не собирался. В этом не было никакого смысла. Самозванный «Владыка Окоема», может, и помилует в обмен на оставшиеся боевые машины и знания, но вот что будет с людьми...

Привычно прошелся по улицам своего города. Телохранители едва поспевали за ним.

В общем, город жил своей прежней жизнью, не считая того, что народу прибавилось.

Разве что на площади напротив статуи вождя мирового пролетариата, на небольшом костре горело соломенное чучело в той же остроконечной шапке. Оно должно было символизировать ненавистного владыку шаркаанов. По словам шаманов, если жечь изображение нечестивца с проклятиями и молитвами предков, – «Владыке Окоема» не поздоровится.

Солома была гнилой и прелой – черный дым лез в ноздри, ел глаза. Как только одно чучело прогорало, служитель брал из груды новое и кидал в угасающий огонь. Приглаживал за процессом шаман – высокий, костистый старец в грязно-белом халате и накинутой поверх шкуре барса, с одеяния которого свисало множество плетеных разноцветных шнуров, ниток бус, костяных, медных и каменных изображений людей, демонов, богов и чудовищ, чьи имена не знал, должно быть, и сам хозяин.

Параллельно он с учениками занимался важным делом – тоже наводил порчу на Ундораргира. Парни вкапывали в землю острые, любовно выточенные колышки. Затем шаман вытаскивал из пищей и трясушей корзины большую серую крысу, выловленную в городских канавах или подвалах. Ловкие руки учеников облачали грызуна в рогожный чапанчик и остроконечную шаркаанскую шапку наподобие той, что была на чучелах. Потом наставник начинал петь и блять на каком-то непонятном языке, взмахивая руками.

Макеев, глядя на сие действо, с трудом удерживал смех, ибо происходящее напоминало обряд наречения, совершаемый в Степи на седьмой день после рождения ребенка. Таким образом и принимали в племя или род, давая новое имя.

Сейчас же новоявленного усатого и хвостатого «степняка» нарекали, само собой, Ундораргиром. После чего тварюшку шаман передавал другому ученику, а тот со всем старанием сажал вопящего пасюка на кол. На местном поэтичном языке такая казнь называлась «приделывать деревянный хвост». Смысл обряда был вполне понятен. Если умрет сотня поддельных «ундораргиров», беспокоя местную адскую канцелярию, то богам смерти это надоеет, и они прихлопнут настоящего.

Само собой, веры у Сантора Макхея в подобную чушь не было. Ибо хотя магия в этом мире работала, но, надо полагать, колдуны и шаманы у их противника как минимум не хуже. Конечно, будь его воля, Макеев запретил бы такое мракобесие – уж во всяком случае на виду у статуи Ленина и на главной площади его города. Тем более что Ундораргира он даже отчасти уважал. Врага уважают. И обычно не смеются над ним. Враг не шут гороховый, чтобы над ним смеяться.

Но в том-то и дело, что Александр потому успешно и управлял вверенным ему судьбой княжеством, что давно понял – воля правителя должна соответствовать текущему моменту и здравому смыслу. Самодуры обычно плохо кончают. То конь споткнется, да так, что наездник, вылетев из седла, сломает себе шею, то несварение желудка приключится.

От магии мысли вернулись к предвоенным заботам.

Как, черт возьми, все медленно идет!

Вот наладили отливку пушек. Но как выяснилось, хорошего дерева для лафетов в окрестностях нет. Сбитые из местной акации или сосны трескались на пятом-шестом выстреле. Пришлось снаряжать экспедиции за бревнами в горы и тащить их верхами – техника не пройдет по тем кручам.

Для ускорения работы в Арсенале на последнем курултае он попросил союзных ханов прислать людей, знакомых с кузнечным ремеслом. Хотя бы из беженцев. Он наивно рассчитывал, что правители будут обрадованы возможности отделаться от свалившихся, как снег на голову, нахлебников. Как бы не так – прислали, кажется, самых ничемных, которых даже перетаскивать тяжести в цехах не получится поставить – троих уже выдрали кнутами за кражу железа на предмет обмена на хмельное.

Вместе с Лыковым попросил выделить всадников на усиление дальних дозоров на самых опасных направлениях на границе, а получил всего полсотни неопытных юнцов.

В итоге Макеев махнул на все рукой, решив делать то, что в его силах, а там будь что будет...

Конечно, когда дойдет до настоящей войны, все изменится. Но вот не будет ли поздно?

По крайней мере, он надеялся на это.

Но все же – вот несправедливость жизни. Только-только начали не выживать, а толком жить, более-менее все наладилось, а тут эта война!

С такими мыслями он вернулся во дворец и устроился в кабинете, готовясь разбирать накопившиеся бумаги. Кстати о бумагах. Он любовно погладил стопку толстых желтоватых листов – вот сделали свою бумагу, как побочный продукт при выпуске картонных патронов к лупарам. Говорят, что много дешевле местной тростниковой, хотя и похуже. Можно было открыть прибыльную торговлю. Или начать издавать свою газету, как настаивает неугомонный политрук Лыков. Уже и название подобрал. Естественно, «Степная правда», а как же еще. Если бы не проклятый Ундораргир.

Хлопнули ворота, процокали по древним плитам двора копыта иноходца. Макеев хмыкнул и тут же придал лицу усталое выражение крайне занятого человека, оторвавшегося от дел величайшей важности ради незначительной безделицы. Кто-то явился по его душу – то ли гонец, то ли кто из его подчиненных.

В дверях кабинета появился мажордом из местных – бывший купеческий приказчик Бунгар Орут, которого пограничный разъезд отбил у разбойников, решивших ободрать с него кожу, ибо он подрезал в схватке брата атамана.

Мажордома, или попросту дворецкого, пришлось завести, а то разговоры пошли, что князь Сантор слишком уж просто живет, не по чину. А начальник АХО городской администрации Никита Расплетов на эту должность не годится. Выправка не та.

– Тысячник войска державы Тхан-Такх Камр Адай к князю Сантору Макхею по делам службы! – важно возгласил Бунгар.

– Проси...

Интересно, по каким таким делам службы явился Адай? Этого толкового сотника он недавно повысил в звании и назначил командовать новой тысячей, сформированной из беглецов и прочего люду, выброшенного из Степи войной. Назначил по рекомендации капитана Анохина, потому что сотник недурно себя показал в походе на Винрамз. А заодно наказал старательно расспросить у кандидатов про то, что, черт возьми, творится в Степи и каков ход войны? При этом также отмечать все интересное в разговорах и записывать. Не лично, само собой, ибо грамоте сотник пока не обучен, но с помощью писаря.

Гость долго ждать себя не заставил. Пригнувшись слегка, дабы не задеть дверной косяк шлемом, Камр Адай вошел собственной персоной. Отвесил поясной поклон. Земные градоначальник запретил.

– Будь радостен, князь Сантор, рад видеть тебя в силе и здравии, – проговорил медленно и степенно.

– И тебе поздорову, воин, – ответил правитель Октябрьска, указывая на кресло.

Старое, обитое дерматином, привезенное еще с Земли. Тысячник, садясь напротив, выложил на стол обе руки, показывая, что пришел с миром.

Макеев устроился поудобнее, поймав себя на том, что сановито хмурится, глядя на гостя. Вот хрень, что называется, среда заела. После чего позвонил в колокольчик.

Миловидная служанка, колыхая длинным подолом, принесла поднос с серебряным кувшином и большой чашей.

Заметил, как чуть дрогнуло лицо собеседника.

Вообще-то во дворцах владык Южного предела было принято, чтобы за мужскими разговорами важным персонам прислуживали исключительно мужчины.

Прежде вино, кумыс и чай из горьких степных трав приносил его ординарец. Но теперь в преддверии войны почти все земляне были сняты с хозяйственных постов и направлены в армию и Арсенал. На их место пришли их туземные жены. Так что ничего не поделаешь, придется потерпеть, дружище. Просто нет времени подбирать обслугу. Да и безопаснее...

– Благодарствую, арсаардар, – кивнул тысячник, разливая пряный, пахнущий травами напиток в большую чашу.

По очереди они пригубили ее.

– И тебя благодарю за то, что в гости зашел, – бесцветным голосом произнес градоначальник.

– Я пришел не в гости, а по нужде...

«По большой?» – чуть не спросил арсаардар, но одернул себя. Тем более что смысл каламбура наверняка ускользнул бы от собеседника – на всеобщем обычно выражались по поводу дефекации прямо и недвусмысленно.

– А нужда моя, государь, такая, – продолжал Камр. – Нужно что-то делать, ибо мы проигрываем войну.

– Проигрываем? – удивился Александр Петрович. – Но ведь война как будто еще не началась...

– Уже началась... – Тысячник прищурился.

– Вот и я так думаю... – вздохнул Макеев после паузы.

– Началась и складывается не в нашу пользу. Народ уже из города бежит, хотя враг далеко. Потому как понимает, что проигрываем...

– Но мы-то бежать не собираемся, не так ли? – испытывающе прищурил глаз майор.

Камр Адай лишь сощурился, как бы говоря: «А куда?»

– И у тебя есть средство, как поправить дело?

– Есть задумка одна... что делать, когда шаркааны с войском сунутся в Южный предел...

Макеев невольно заинтересовался.

Чувствовалось, что разговор этот назревал у тысячника уже давно, и подготовиться к беседе тот успел.

– Тогда подробней излагай. – Александр невольно понизил голос, пододвигаясь ближе.

– Значит, так, – заговорил Камр с расстановкой, словно обдумывая каждое слово. – Я тут поговорил с твоими... земляками про то, какие войны ведут в вашем мире. За Гранью, – зачем-то уточнил он. – Рассказали они много, да я не все понял. Но это неважно. Важно, что именно я уразумел... – Выдержал короткую паузу, словно не решаясь сказать, что думает. – Знаешь в чем твоя, арсаардар, ошибка? – наконец изрек он и бросил быстрый взгляд на лицо собеседника, проверяя, не разгневался ли правитель.

– Продолжай, – кивнул Макеев, которому вдруг стало интересно, что думает о его методах и планах подчиненный.

– Ты воюешь, как тебя учили в твоём мире. Нет, – словно спохватился тысячник, – я не говорю, что ты воюешь плохо или неправильно. Но просто, чтобы воевать так, как вы призывали, нужно иметь много машин, небесные колесницы, много «летучего огня» и еще всего... Всего, чего у тебя нет, – резюмировал он. – Я вижу, что ты пытаешься как можно лучше приспособить то малое, что у тебя есть, к делу, но так у тебя ничего не выйдет. – Майор вздел брови. – Я думаю так... – Адай пожевал губами. – Можно воевать, как принято у тебя, и можно воевать, как воюют у нас, но смешивать эти две войны не получится. Вспомни Винрамз. Они же победили нас. Хотя у них почти не было дудутов, да и те использовали лишь один раз.

– Будь у меня хотя бы мой батальон... – не сдержавшись, процедил Макеев, для которого неудавшийся «освободительный поход» был, что называется, больным местом.

– Я и не сомневаюсь, что ты бы взял этот паршивый городишко, – с готовностью кивнул тысячник. – Мы бы даже взяли его тем, что у нас было, если бы имели чуть больше людей. Но опять же, подумай, сколько бы ты потерял в уличных боях, сколько м'ашин бы успели сжечь колдуны и метатели огня? Как бы ты потом отбивался от мелких банд, что принялись бы разорять твои владения? – И продолжил: – Вспомни, ведь на той войне, откуда тебя к нам... при-слали, у вас было в достатке всего, о чем ты только можешь тут мечтать. А противостояли вам дикие оборванцы со старым оружием. И вы побеждали, но не могли победить.

Макеев со смешанным чувством раздражения, смущения и удивления уставился на тысячника. Этот благоухающий лошадиным потом и дубленой кожей громила берется рассуждать о стратегии и истории чужого мира! В Афганистане, видите ли, победить не могли! Но с другой стороны, послушаем... Может, он свежим взглядом увидит что-то, чего они, занятые подсчетом запчастей и мелкими интригами в Степи, не замечают?

– Тем более невозможно воевать и побеждать, имея то, что ты имеешь... – продолжил Адай. – Я не буду настаивать, но запасов стрел для огненных метателей нам хватит на пять, ну, шесть хороших сражений. Это если судить по тому, что мы потратили на поход к треклятому Винрамзу. Сможет ли на нас потратить Ундораргир два-три тумена? Не стал бы зарекаться... Я знаю – тоан Бровженго начал делать оружие наподобие вашего, хотя, правду сказать, оно сильно хуже и не очень надежно, это не говоря о том, что его мало. Но я также знаю, что если даже ты, арсаардар, перебеешь все вражеское войско, которое явится под Тхан-Такх, оно успеет сжечь и вытоптать поля. И на следующий год наши дети и мы все станем живыми скелетами, готовыми обменять все м'ашины и огнебои на горстку зерна. – Голос тысячника вдруг налился железной суровостью.

– У тебя есть идея, где взять патроны? – с сарказмом осведомился градоначальник. – Или увеличить мощность печей?

В самом деле тысячник не сообщил ничего нового. Похоже, даже до самых глупых в гарнизоне дошло, что они спокойно жили не потому, что все боялись пулеметов и БТРов, а потому, что за них еще всерьез не брались. Конечно, удайся затея с Винрамзом, все бы могло измениться. Но что толку жалеть о несбывшемся? И что, интересно, готов предложить подчи-

ненный? Раз не выходит воевать по-своему, будем воевать по-здешнему? На конях и саблями, что ли? Ну, так у Ундораргира это все равно получается лучше...

– Я вижу весь расклад так, – негромко продолжил Камр. – Пока идет война, охранных отрядов и даже просто вооруженных людей в Степи и на караванных тропах будет сильно меньше, чем обычно. Чтобы там остались одни бабы с детишками да старики немощные – такого не будет. Но хороший сильный отряд сможет неплохо погулять...

Макеев скептически ухмыльнулся.

Камр предлагает рейд в тыл надвигающимся шаркаанам. Ничего особенно нового, да и проку много не будет.

– Понимаешь, арсаардар, – как бы размышляя вслух, продолжал тысячник, – как бы ни было много у них всадников, но их не хватит, чтобы перекрыть все пути. Я берусь пройти от Эльгая до долины Вуссы и дальше. И я буду не я, если не утащу на хвосте четверть вражеского войска. Две или три тысячи человек одвуконь да еще с немалым числом загонных скакунов пройдут сквозь любые заслоны, как нож через масло. К тому же разбегающимся врагам каждый наш нукер покажется десятком... – Тысячник хищно усмехнулся. – Это значит, что придется ловить нас, и ловить силами не меньше тумена, а то и двух.

Макееву эта идея не очень-то понравилась.

– Опасно это, – после некоторых раздумий подвел он итог.

– А на войне что ни делай, все опасно. Здесь останемся – обложат, как сурка в норе, и сожрут. Побежим, так куда? А вот если, скажем, незаметно подойти к врагу, да сзади по горлу или под колено, мышцу подрезать...

– А если Рамга не пошлет за вами тумен? И вообще плюнет на вас и попрет вперед, а мы, получается, даром ослабим свои порядки. – Макеев покачал головой. – Нет, – словно оправдываясь, продолжил он. – То, что ты сможешь навести изрядного шороху в тылах Ундораргира, я поверю. Но тебя рано или поздно загонят превосходящими силами и окружают. И вырубят начисто. Или прижмут к горам Летящего Льва и размажут, что называется, в кашу... Или... – догадка пронзила мозг, – у тебя, дружище, и на этот случай есть план?

– План? – переспросил тысячник. – А, понял. Да, есть у меня одна задумка. Мы пойдем к горам Летящего Льва, но не с юга, а с запада, обогнем их через Тысячегорлый Каньон и направимся к Намидарскому нагорью.

– Ого! – произнес майор, потому что других слов у него не было. – Слушай, друже, ты хоть понимаешь, что задумал? До гор через всю степь пройти надо, а это две тысячи... верст.

Макеев в уме пересчитал. Даже если в день проходить по пятьдесят километров – нормальный ход одвуконь, – это сорок дней пути.

Посмотрел на карту и на тысячника, потом снова на карту и на тысячника. И вновь подумал, что, если им повезет выбраться из этой войны живыми, он возьмется за обучение этого гениального варвара по-настоящему. Парень задумал рейд по вражеским тылам в пару тысяч километров с погоней на плечах, пройти горы и чащобы, а после этого еще и домой вернуться. И он верит, нет, знает, что это ему по силам. А вот Макеев бы за такое не взялся, даже будучи не градоправителем, а еще командиром разведбата.

– Я и не спорю, что твоя задумка неплоха... Но понимаешь ли ты, что тебе придется не просто отвлечь врага, но обречь себя на то, что по твоим следам пойдет настоящее войско...

– Так именно этого я и хочу, – усмехнулся Камр. – Чтобы все внимание врага было сосредоточено только на нас. Понимаешь, я хочу не просто пограбить караваны и порезать мелкие кочевья, а приковать врага к себе.

– Но ты погибнешь! – не сдержался Макеев.

– Погибнуть я всегда успею, такая у воина судьба. Ни мой дед, ни мой отец не умерли от старости. Но я не собираюсь умирать просто так. Смотри, – рука его легла на карту, – допустим, ты Ундораргир...

– Ну ты сказал! – нервно рассмеялся Александр.

– Ладно, – тоже усмехнулся Камр. – Ну пусть ты темник или мелкий хан, и ты узнаешь, что вражеский тумен непонятно как проник в твои тылы и разорил и пустил прахом все добро. Что ты будешь делать?

«Застрелюсь!» – Но Макеев проглотил неуместную шутку.

Так, ну-ка, ну-ка подумаем...

Я сижу спокойно и не жду удара, да и кто может на меня напасть? В самом худшем случае я опасаюсь мелких шаек степных грабителей или недорезанных врагов. А тут наваливается изрядная сила, непонятно откуда, и бьет в самое больное место. Я, само собой, соберу все, что у меня есть, и кинусь наперерез – в надежде, что хан не казнит, а помилует... Наперерез? Неужели Камр хочет...

И ощутил вдруг неожиданное облегчение на душе. Словно этот крепкий, жилистый, какой-то необыкновенно надежный на вид человек снял с его плеч изрядный груз.

– Я, кажется, понял... – ухмыльнулся Александр и резким движением провел пальцем по карте – от увалов Бречик-Рей на восток.

– Да, верно! – улыбнулся степняк ему в ответ. – Я хочу не отступать, а пойти вперед, во внутренние области владений шаркаанов.

– Ну хорошо, это правильная задумка. – Макеев повеселел. – Но ты вроде говорил, что знаешь насчет того, куда больнее ужалить Ундораргира. Пошлют ли за вами погоню?

– Пошлют, – хищно оскалился тысячник. – Никуда не денутся. Ты что-нибудь слышал про кряж Хэй-Дарг?

– Так, только слухи... – в замешательстве ответил майор. – Говорят, недоброе место...

– Это не слухи, князь... Именно там Ундораргир и добывает ту самую едкую соль, которая нужна для огненного порошка.

– А, Мурханские пещеры? – переспросил Александр Петрович, внутренне напрягшись и всматриваясь в бронзовое неулыбчивое лицо Камра.

– Обманка! Там полсотни копателей и старые котлы, в которых варят пещерную грязь, чтобы все думали, что именно там и делают чертово зелье.

Макеев покачал головой.

Ну, тысячник, ну, сукин сын. Ну удружил!

Главное сразу не сказал!

Как только в прошлом году земляне выяснили, что у туземцев появился-таки огнестрел, их главный академик, вечный пьяница Вадим Павлович Вечный, успокоил. Мол, неприятно, но не смертельно. Много его у туземцев все равно не будет. Ибо секрет производства пироксилинового пороха они украсть никак не смогут. Для этого им придется захватить в плен как минимум его.

Макеев тут же приставил к нему караул, как давно обещал.

Что же до черного пороха, то если серу «дикари» для его производства добудут без проблем (хоть у Леганских горячих источников), а угля тоже можно нажечь в достатке, то селитру взять просто неоткуда.

Что-то они, конечно, могут по примеру каких-нибудь древних китайцев накопать в старых скотомогильниках, что-то в пещерах, где живут летучие мыши, но этого слишком мало. Да и селитра из них грязная, впитывающая влагу и маломощная. Пусть и пригодна к пороховому делу, но настоящей силы выстрелу и взрыву не даст.

Так что Макеев поневоле расслабился. Всегда хочется верить в лучшее. Опять же как не поверить мнению науки?

Ну да, как же!

Неведомые шаркаанские умельцы не стали рыться среди старых костей, раскапывать выгребные ямы в захваченных городках или пытаться добыть драгоценное вещество из дерьма

летучих мышей. Не затеяли они и устраивать ямы-селитряницы и стаскивать туда кизяк со всей степи, как можно было предположить. Во всяком случае, слухов об этом до землян не доходило.

Однако порох у них появился. Причем, вопреки мнению «науки», отменный. И войска огненного боя у Ундораргира множились и росли.

Макеев попросил тогда Адая поспрашивать среди беженцев и ходивших в степь удальцов, не слышали ли они чего о том, откуда берется «порох» у шаркаанов?

И выяснилось, что белую едкую соль для него везут караванами откуда-то с юго-западных окраин новоявленной державы. Не так много, но и не мало. Означало это, что в их распоряжении было настоящее месторождение селитры. Причем отменного качества.

Толком, где именно, узнать не удалось. Называлось сразу семь или восемь мест. И Хэй-Дарг в числе последних.

– Это точно?

– Рассказали кочевавшие в тех краях табунщики.

– Разве там нет охраны? – приподнял брови Макеев.

– Немного. Две или три сотни пешцов, что присматривают за рабами, и пара сотен тех, кто сопровождает караваны. Да и от кого владыке охранять копи на своих землях? – улыбнулся Адай. – Так что там почти нет войск. Зато в четырех конных переходах Давингайские золотые рудники.

– Ты и их собираешься взять, дружище? – Удивлению князя, что называется, не было предела.

– Брать их мы не будем, – вздохнул Камр, как показалось Макееву, с явным сожалением. – Там неплохая крепость, оставшаяся со времен Сарнагарасахала. В ней золото и стража. Но вот сломать и сжечь промывочные станки, освободить рабов и пленников, разрушить все их запруды, ну и прихватить то золотишко, что сумеем взять, – это запросто.

– Догонят и побьют, – с возродившимся скепсисом изрек майор.

– Мы пробудем там ровно столько времени, чтобы засевшие внутри трусы успели послать зов о помощи, а потом пойдем дальше. Оставим проклятых шаркаанов и без пороха и без золота! Таким образом, всегда будет несколько дней хорошей конной скачки между нами и врагом. Не забывай, начав за нами погоню, холопы Владыки Окоема, хотят они того или нет, не смогут прекратить преследование, а должны будут любой ценой добить нас. Или они принесут Ундораргиру наши головы, или он срубит их собственные. И они еще поблагодарят его за то, что не посадил на кол, – закончил он со смешком. – Но только придется им с головами попрощаться. Мы все время будем опережать преследователей хотя бы на один конный переход. Но это еще не все. Это будет нелегко, но я пройду их и вернусь. И может быть, не без помощи. – И увидев, как поднялись брови Макеева, пояснил: – Я тут с друзьями подумал и вот что скажу. Народам Южного предела нужны союзники. Сейчас шаркааны затевают большую войну против Эуденоскаррианда и одну маленькую против нас...

– Ничего себе маленькую! – не сдержался градоначальник. – Шестьдесят тысяч воинов – это мало, по-твоему?

– Шесть туменов – не шестьдесят тысяч сабель... Ты просил меня собирать сведения, так вот. Против нас посылают не самых лучших и сильных, а тех, кого Ундораргир хочет сперва притравить, натаскать, как гончую на легкой добыче... – покачал головой Адай. – Но есть еще две войны – против туланаров на дальнем северо-востоке и против так и не покорившихся горских племен, как раз в предгорьях хребта Летящего Льва.

Макеев кивнул. Он слышал, что у Владыки Окоема какие-то непонятные терки на границах, но это казалось ему очень далеким. Уже привык мыслить здешними масштабами и сроками. Сроками караванных переходов и скачки гонцов (чертовы радиотехники так и не собрали до сих пор толковый передатчик).

– Ну так вот, если ты напишешь письмо к тамошним вождям, и на нем еще поставят свои тамги досточтимая ханша Ильгиз и те, кто ходит под ее рукой, то мы поднесем Ундораргиру неприятный сюрприз. Хорошо бы послать людей и в империи, но им сейчас явно не до нас. За горцев я ручаюсь...

– Ты уверен?

– Уверен, у меня в тысяче есть младший сын тамошнего вождя. Из наемной охраны каравана, захваченного шаркаанами. Он тогда две стрелы в плечо поймал, один из соплеменников и остался.

– Слушай, как ты все успел?! – едва не всплеснул руками майор. Но сдержался и вместо этого важно ответил: – Ладно, буду думать, как это лучше обставить. Какая помощь требуется тебе, тысячник? Проводники, карты? Может быть, тебе добавить людей? Я свяжусь с Лыковым. Сделаю, что смогу!

– Людей пока хватает. Я отберу сам. Самое меньшее, что понадобится, это отряд в пять сотен сабель. И проводники у нас есть, хотя если имеются на примете надежные люди, знающие те края, то, конечно, скажем спасибо. И хорошо, если бы нам дали с собой пару фляжек «судного зелья»... Иногда очень важно быстро узнать правду, а каленое железо помогает не всегда...

– Что ж, попробую. – Макеев подумал, что с этим будет нелегко.

Средство, развязывавшее людям языки, умели приготовить очень немногие маги – тем более что при малейшей ошибке оно становится непригодным к употреблению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.